

ПРАВОСЛАВНОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ

Священник
Владимир Русин

Претерпевший до конца

Священномученик Петр Григорьев
и обоянская «контрреволюционная
церковно-монархическая организация»

Издание Покровского храма села Кунье
Горшеченского района Курской области

2011

ББК 86.372

Р 88

Священник Владимир Михайлович Русин.

Претерпевший до конца: Издание Покровского храма села Кунье Горшеченского района Курской области, 2011. 80 с. (Серия «Православное краеведение»).

Корректор: Любовь Рудакова

Дизайн и верстка: Александр Рудаков

Священник Владимир Русин — председатель Историко-архивной комиссии по изучению материалов о репрессированных священно- (церковно-) служителях Курской епархии; настоятель Покровского храма в селе Кунье и Димитриевского храма в селе Средние Апочки; член Союза Журналистов России.

Ранее в серии «Православное краеведение» выходили следующие книги, подготовленные отцом Владимиром: «Кунье под Покровом Пресвятой Богородицы» (2007 г., удостоена диплома Международного конкурса «Просвещение через книгу» в номинации «Лучшая первая книга»), «Преимущество в страданиях» (2008 г.), «Расстрелянный в сорок первом» (2008 г.), «Горю желанием служить Церкви» (2008 г.), «Иное Кунье» (2009 г.).

В центре книги «Претерпевший до конца» — жизнь и мученическая кончина протоиерея Петра Григорьева из Обояни и пострадавших вместе с ним по одному делу священнослужителей, церковнослужителей, монашествующих и мирян.

*«Не бойся ничего, что тебе
надобно будет претерпеть»*

(Отк. 2.10)

*«С великой радостью принимайте, братья мои,
когда впадаете в различные искушения, зная, что
испытание вашей веры производит терпение...»*

(Иак. 1.3)

«Терпением вашим спасайте души ваши»

(Лк. 21.19)

Последняя встреча двух святых

Последний раз священник Петр Григорьев был в Курске у архиепископа Дамиана (Воскресенского) в июне 1931 года. Вернувшись в Обоянь, он рассказывал, что владыка говорил ему о «терпении, терпении и терпении». А о сроке, до которого нужно терпеть, ничего не сказал. Не сказал, вероятно, потому, что о сроке достаточно ясно сказано в Евангелии: «претерпевший же до конца, спасется» (Мф. 10.22).

И архиепископ Дамиан, и священник Петр сохранили верность Христу до конца своей земной жизни, претерпев мученическую кончину в сталинских лагерях. На Архиерейском соборе 2000 года они были причислены к лику святых вместе с другими новомучениками и исповедниками российскими.

«Остаюсь с народом»

Священномученик Петр родился в мае 1895 года в семье Федора Григорьева — личного дворянина, потомственного гражданина города Обоянь Курской губернии, который занимал должность наблюдателя Орловско-Курского

Храм
Смоленской
иконы Божией
Матери в
городе Обоянь в
начале XX века.
Фото из книги
Ю. В. Донченко
«Курская
губерния
на старой
открытке»

лесничества. В 1916 году Петр Федорович окончил учебу в Курской Духовной Семинарии и поступил в Санкт-Петербургскую Духовную Академию. Однако закончить ее ему не довелось. Через год Григорьев вынужден был покинуть революционный Петроград и вернуться в Обоянь к матери. Здесь он поступил псаломщиком в церковь Смоленской иконы Божией Матери.

В 1919 году псаломщик Петр Григорьев венчался с девицей Зинаидой Ивановной Павловой, дочерью курского мещанина, и вскоре был рукоположен в сан священника.

Позднее, в 1958 году матушка Зинаида Григорьева, вызванная на допрос в КГБ, вспоминала: «В 1919 году, когда служители религиозного культа отступали с бельями, мой муж остался в Обояни, заявив, что служит народу и поэтому остается с народом».

За десять лет служения в священном сане отец Петр приобрел широкую известность среди верующих и стал объектом пристального внимания сотрудников ОГПУ.

Поиски «компромата»

Первое следственное дело на священника Петра Григорьева завели в Курском окружном ОГПУ в феврале 1930 года. Арестовали его поздним вечером 5 февраля. Жил отец Петр с супругой, полугодовалой дочерью Ольгой и своей матерью на улице Луначарского в доме №59. Во время ареста произвели обыск, но, как отмечено в протоколе, «ничего компрометирующего» не обнаружили. Компромат стали искать в окружении священника. Допросили церковного сторожа. Тот сообщил, что к отцу Петру часто приезжали из окрестных сел крестьяне. Расспрашивали сторожа, где живет батюшка. Тот указывал им дорогу. Для чего они приехали, не интересовался. По разговорам можно было заключить, что гости служили у отца Петра на дому молебен. Скорее всего, так оно и было. Из других источников известно, что в квартире священника Петра Григорьева была устроена специальная молитвенная комната, где он часто служил молебны и читал акафисты. Говорят даже, что какие-то из акафистов были составлены им самим.

Через месяц неумные чекисты нашли-таки «свидетеля», готового дать нужные следствию показания.

Им оказался священник, временно командированный в Смоленскую церковь на подмогу престарелому настоятелю и отцу Петру.

Таким образом, следствие «установило», что подследственный Григорьев — «человек крайне антисоветски настроенный», что он «ведет антисоветскую агитацию в открытой и скрытой форме». Однако «в церкви во время проповеди он крайне осторожен и никогда ничего лишнего не говорит», потому что «боится ареста». Кроме того, свидетель сообщил, что «священ-

ник Григорьев является сыном бывшего действительного статского советника, то есть гражданского генерала».

«Незаменимый наставник»

Священномученик
Дамиан (Воскресенский),
архиепископ Курский и
Обоянский. 1932 г.

В конце марта отца Петра перевели из Обо-янского Домзака в Курский. Такой поворот дела не на шутку встревожил прихожан Смоленского храма, надеявшихся, что их любимого батюшку арестовали по недоразумению и вскоре, разобравшись, выпустят на свободу. Перевод в Курск не сулил благоприятного исхода. Тогда прихожа-

не, все время заключения отца Петра возносившие молитвы о его освобождении, обратились в Курское ОГПУ с «Заявлением-Прошением». Некоторые фрагменты этого письма позволят нам охарактеризовать его как моление или даже как плач:

«... Верующие остались без служителя, нашего доброго человека. А другой священник¹, немощный старик более 80 лет, который при старости своих лет не может исправлять обязанности служителя культа. При верующих хотя и есть прикомандированный священник, но мы его не желаем и он один не в состоянии исполнять всех треб верующих... /Отец Петр/ против закону не учил, проповедей против советской власти не делал, а научил нас подчиняться власти. Был добрым человеком, помогал бедным и последнюю копейку отдавал неимущим. И для нас, верующих, он, Григорьев, является незаменимым наставником.

Мы просим Окружное Главное Политическое Управление сделать распоряжение об освобождении из-под стражи гр. П.Ф. Григорьева с отдачею его нам на наше поручительство»².

Под этой, можно сказать, молитвой поставили свои подписи более трехсот человек.

Мало вероятно, что руководство Курским ОГПУ прослезилось, читая просьбу обоянских христиан. Но в конечном итоге все-таки снисловилось, «принимая во внимание, что произведенным расследованием недостаточно добыто материалов для предания /обвиняемого Григорьева П. Ф./ суду»³.

16 июня 1930 года следствие в отношении отца Петра было прекращено. На следующий день он вышел на свободу, проведя в заключении четыре с половиной месяца: весь Великий Пост, Пасху и Пятидесятницу. Вскоре после освобождения, в 9-ю пятницу после

Пасхи — день празднования Курской Коренной иконы Божией Матери «Знамение», и состоялась встреча священника с архиепископом Курским Дамианом.

Гореть или тлеть?

Через год Курские чекисты подготовились к аресту местного духовенства более основательно. 23 марта 1931 года в селе Ярыгино они арестовали благочинного Обоянского округа священника Германа Руденко.

Первоначально благочинный содержался в Обоянском Домзаке. Секретный осведомитель, подсаженный в камеру к священнику, доносил, что тот ободрял других заключенных «в религиозном духе», а в день Пасхи даже служил службу вечером и утром.

Обоянское духовенство поддерживало своего благочинного. Священник из села Каменки Василий Артамонов приносил кошелку яиц, сало, пасхальный кулич и «много другого снадобья». А священник Петр Григорьев, сам отведавший тюремное «меню», ежедневно передавал отцу Герману обеды.

После ареста Руденко владыка Дамиан принял решение официально не назначать благочинных, чтобы не подсказывать властям очередность арестов. Но неофициально некоторые функции благочинных выполняли наиболее способные к этому священники. В Обояни такое дополнительное послушание легло на плечи отца Петра Григорьева. Большинство духовных лиц приняли это неформальное лидерство молодого священника, но были и те, кто считал, что его самоотверженное служение Церкви вызывает огонь властей.

Сторонники позиции «тления», а не горения перед Богом, в конечном итоге, истлевали сами. Совершенные служб и треб они начинали воспринимать лишь

как способ прокормиться. Вследствие благодать в их сердцах оскудевала, и давление безбожия для них становилось невыносимым. Возникал помысл о снятии священного сана, а то и публичном отречении от Христа. Но это не всегда спасало от преследования и не гарантировало благоденствия в советском обществе.

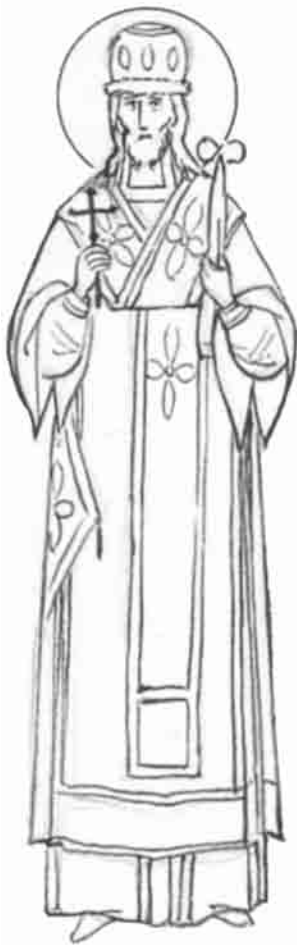
В Обояни «порвал всякую связь с церковью и отказался от сана» бывший священник кладбищенской Георгиевской церкви Николай П. О своем отречении он сообщил жителям города через местную газету «За коммуны». «Отрекся от сана я сознательно, — заявлял ренегат и, заискивая пред земную власть предержавшими, добавлял, — Советская власть осуществляет подлинный социализм и ведет общественность к светлому будущему путем более верным и действительным, чем всякие туманные теории идеологии, религии и философии». Впрочем, эта цитата не из газетной статьи, а из протокола допроса бывшего священнослужителя.

8 октября 1931 года П. устроился бухгалтером в акционерное общество. А 19 октября уже давал показания следователю ОГПУ в качестве обвиняемого. На допросе он ласкал слух следователя фразами, вроде «обоянское духовенство настроено антисоветски», давал нужные следствию характеристики на других священнослужителей. Однако власти делать карьеру бухгалтера в Обояни ему не позволили, выслав этапом в Северный край на три года.

Обоянь в церковной истории Курского края

Обоянские архиереи

Обоянь издавна была одним из духовных центров Курско-Белгородского края. На Большом Москов-

Святитель Иоасаф (Горленко), епископ Белгородский и Обоянский. Прорись с сайта pravicon.com

ском Соборе в 1666-1667 годах новая епархия в наших краях была учреждена как Белгородско-Обоянская. К слову, один из самых известных святых Курской земли — святитель Иоасаф (Горленко) — носил титул епископа Белгородского и Обоянского.

Лишь в 1799 году Обоянь утратила статус кафедрального города, в связи с возвышением Курска. Однако в 1905 году, после учреждения викариатства в Белгороде курские архиереи стали именоваться Курскими и Обоянскими. Такой титул носили священномученики Иувеналий (Масловский) в 1923-1928 годах, Дамиан (Воскресенский) в 1928-1932 годах, Онуфрий (Гагалюк) в 1933-1935 годах. Назначенный на Курскую кафедру в 1943 году владыка Питирим (Свиридов) был вновь Курским и Белгородским. По данным питерского исследователя А.И. Раздорского, последний раз архиерейская кафедра находилась в Обояни при курском архиепископе Алексии (Сергееве) в 1947-1948 годах⁴.

В 1993 году после образования Белгородского викариат-

ства, в 1995 году выделенного в самостоятельную Белгородско-Старооскольскую епархию, вторая кафедра правящего курского архиерея была учреждена не в Обояни, а в Рыльске.

94 храма, монастырь и духовное училище

Советский краевед В. Самсонов в 1940 году утверждал, что в начале XX века «Обоянь продолжала быть глухим городом, не имевшим никаких перспектив в будущем. Широкие перспективы открылись для города только при советской власти. Обследование Курского края, произведенное по непосредственной инициативе Владимира Ильича Ленина, установило, что Обоянь стоит в районе Курской Магнитной Аномалии, то есть в области крупнейших залежей железной руды. Это —

Обоянское духовное училище. 1911 г. Фото А. И. Цегельского из книги Ю. В. Донченко «Курская губерния на старой открытке»

залог ее расцвета, который уже намечается»⁵. Впрочем, эти предсказания Самсонова сбылись не в полной мере. Активное освоение недр КМА мало отразилось на жизни Обояни. А после административно-территориального деления 1954 года основная часть предприятий, осваивающих Курскую магнитку, оказались на территории Белгородской области.

По мнению краеведа-филокартиста Ю. В. Донченко, жизнь в Обояни и до революции не была такой безрадостной, как описывает ее Самсонов. «Обоянь была, хотя и провинциальным, но динамично развивающимся торгово-ремесленническим уездным городом»⁶. Однако жизнь города и уезда нельзя было свести лишь к торговле и ремеслу. Умели местные жители в свой срок отложить житейские попечения и отдать Богу Богово. На территории Обоянского уезда (самого большого уезда Курской губернии, кстати) в 1908 году совершались богослужения в 94 храмах. Четыре приходских и три монастырских находились в самом уездном городе, остальные — в селах.

В конце XIX века в городе проживало около 7 тысяч жителей. Подавляющее большинство были православными, но имелись и представители иных религий. К примеру, в 1896 году, по данным из знаменитого энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона, в Обояни насчитывалось 985 раскольников, 59 католиков, 32 протестанта, 19 евреев и 19 человек, относящих себя к «прочим исповеданиям»⁷.

Что касается сословного деления, то тут первенство было за мещанами — 5 126 человек. Но достаточно много в городе проживало и представителей духовного сословия — 189 человек. Процент городского духовенства поднимал, вероятно, монастырь, где подвизались несколько десятков монахов.

В начале XX века А.Павловский, автор описания всех русских монастырей, так характеризовал Обо-
янский Знаменский мужской монастырь: «Достопри-
мечательностей нет... Монастырь небогатый. Братии
44 человека, управляется игуменом Гурием»⁸.

Достопримечательностей общероссийского масшта-
ба в монастыре действительно не было, но местночти-
мые святыни имелись. Дорожили насельники обители
Иверской иконой Божией Матери, написанной на
кипарисовой доске мастерами со святой горы Афон-
ской. Еженедельно, по вторникам перед этим образом
соборно читались акафисты. Пользовалась особым
почитанием и Ченстоховская икона Божией Матери
«древнего письма», которую монастырю пожертвовал
в 1855 году Иван Родов.

На территории обители находились два каменных
храма, построенных в начале XVIII века и существенно
расширенных в середине XIX века: Знаменский собор
и церковь святого пророка Иоанна Предтечи⁹. После
строительства каменных двухэтажных келейных
корпусов и каменной ограды архитектурный ансамбль
монастыря украсил надвратный храм во имя Спаса
Нерукотворного¹⁰.

Ю. Бугров в «Истории Курской епархии» замечает:
«Претерпевая бедность, Обо-янский монастырь неодно-
кратно подвергался внешним и внутренним переворо-
там и потрясениям»¹¹. Последним потрясением, поста-
вившим точку в истории обители, стало решение о ее
ликвидации, принятое властями 23 декабря 1923 года¹².

Еще раньше прекратило существование Обо-янское
Духовное училище, инспектором которого с 1908 по
1911 год был иеромонах Дамиан (Воскресенский), бу-
дущий архиепископ Курский и Обо-янский.

«В условиях обоянской действительности...»

10 августа 1931 года на престольный праздник в храм Смоленской иконы Божией Матери собралось восемь священников. В храме все благоухало, сияло и утопало в цветах. Праздничная служба отличалась особой торжественностью и продолжительностью. Но пока верующие утешались торжеством православия, безбожники готовились нанести по церковной жизни края сокрушительный удар.

В ночь с 17 на 18 октября 1931 года в городе Обоянь и Обоянском районе прошли массовые аресты церковников. Арестовали почти всех священнослужителей, избежавших этой участи в предыдущие годы. Среди арестованных были псаломщики, просто крестьяне-колхозники, сапожники-кустари, санитарка народной больницы. Всех их связывало одно — принадлежность к Церкви, активное участие в церковной жизни. Кто-то организовывал домашние богослужения, кто-то представлял квартиру священнику.

20 октября против всех арестованных было возбуждено уголовное дело по ст. 58-10 УК РСФСР.

30 октября было принято постановление о привлечении в качестве обвиняемых 18 человек. В ноябре-декабре, благодаря арестам, прокатившимся по Курску и району, число обвиняемых увеличилось еще на 40 человек.

Для уполномоченного Курского оперсектора ОГПУ товарища И., принявшего самое деятельное участие в ликвидации обоянской «контрреволюционной организации церковников», ее существование не требовало доказательств. Он честно боролся с церковной организацией, приписывая ей контрреволюционность.

В ходе допросов сотрудникам ОГПУ удалось «убедить» и некоторых подследственных в реальности

виртуальной организации. Слабые звенья согласились оговорить себя и других, надеясь, что после их «признаний» все моральные и физические истязания закончатся.

А писарь ОГПУ «причесывал все показания под одну гребенку». Отсюда обилие одинаковых оборотов речи в разных протоколах и россыпи слов-паразитов из лексикона советских чиновников. «Будучи приверженцем старого монархического строя». «Будучи недовольным на советскую власть». «В условиях обоянской действительности существовала организация духовенства, которая вела антисоветскую работу среди зажиточной части населения»...

Где взять 200 яиц?

«Убеждали» и священника Петра Григорьева признать себя членом «контрреволюционной организации» и даже возглавить ее. О том, что не обошлось без физического воздействия можно судить по одному документу. В декабре сокамерник отца Петра просил перевода в другую камеру «ввиду его безобразий». Из текста заявления явствует, что у батюшки после многих допросов расстроился организм, он с трудом контролировал некоторые процессы и был вынужден постоянно находиться у отхожего места.

Но на самих допросах и очных ставках священномученик Петр становился все тверже и собранней. Если поначалу он мало обращал внимание на то, как записываются его показания, то в дальнейшем старался выверять каждое слово. 23 ноября отец Петр говорил, что не знает причины, по которой архиепископ Дамиан отказался назначать благочинных. А в протоколах допроса, состоявшегося ранее, в уста подследственного

вложены слова: «так как благочинных арестовывают». В протоколе от 6 ноября записано, что в лесу состоялось собрание членов организации. В другом протоколе есть даже прямое признание отца Петра: «я устроил собрание в лесу». Но 23 ноября священник говорит, что специального собрания в лесу не устраивалось. Просто по сложившейся традиции духовенство в Обояни за неделю до Троицы освящало поля крестьян. В 1931 году во время освящения начался дождь и все принимавшие участие в этом священнодействии, укрылись от непогоды в ближайшем лесу. Естественно, ожидая прекращения дождя, говорили друг с другом. На повестке дня такого импровизированного собрания был один вопрос: как заплатить государству новый налог — 200 яиц? Приняли решение: просить помощи у прихожан.

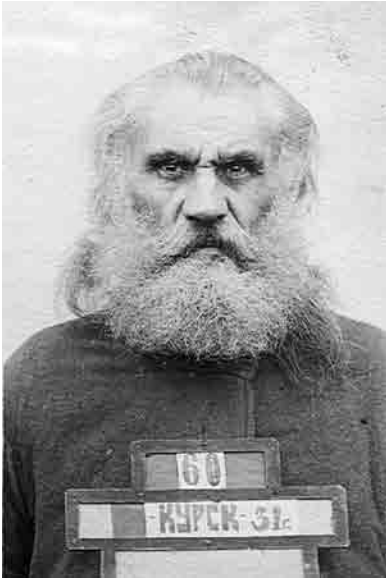
Материалы для жития из следственного дела

Скрупулезно собирали сотрудники ОГПУ и все характеристики, выданные отцу Петру свидетелями и другими фигурантами дела, не подозревая, что собирают материалы для жития святого.

«Григорьев пользуется авторитетом не только в городе, но чуть ли не во всем уезде, — сообщал о нем свидетель Николай Б. — Говорил почти каждый день проповеди, касаясь безбожия соввласти и современной молодежи. Убеждал молодежь бросить свои убеждения и вспомнить о церкви».

Священник Николай Нестеров из села Горяиново вспоминал, что еще в ученические годы отец Петр «своим отчуждением от товарищей показывал себя каким-то особенным»¹³.

Протоиерей Феодор Слюнин.
Фото из следственного дела

Протоиерей городского собора Феодор Слюнин признавал, что «из всего духовенства наиболее способный и даровитый отец Петр Григорьев, который может объединить массу на религиозной почве». Тот же протоиерей огорчил следствие отказом поверить в существование обоянской «церковно-монархической организации»: «Из известных мне лиц духовенства Обояни и окрестных сел ... нет врагов советской власти».

Один из арестованных, услужливо сообщавший следователю факты, которые можно было трактовать как проявления контрреволюционной настроенности местного духовенства, передавал такие слова священника Петра Григорьева: «Люди, отвергшие Евангелие, ни на что хорошее не способны».

Наиболее подробно и охотно говорил об отце Петре псаломщик Владимир К. Сам он не скрывал своей неприязни к священнику, в самом начале допроса дистанцировался от него, объясняя, что в псаломщики пошел от безысходности, не найдя другой работы. Различные поручения отца Петра псаломщик выполнял с большой неохотой, считая их, по собственному признанию, унижающими его «большое самолюбие». Словом, показания

этого свидетеля нельзя считать непредвзятыми. И тем не менее, даже такое кривое зеркало не исказило облик святого.

Владимир К. сообщил, что горожане и жители окрестных сел «видели в Григорьеве чуть ли не праведника, человека святой жизни, который может разрешать разные житейские недоумения и поэтому многие обращались к нему за советами. Все это выдвигало Григорьева на первый план...» Обиженный псаломщик сообщал следователю, что отец Петр был «душой общества» и «имел связи и знакомства в разных слоях общества: среди духовенства, деревенского населения, буржуазии и интеллигенции, на которую в особенности хотел влиять». Не оставлял священник без попечения и молодых людей, «стараясь прививать им свои идеи и воззрения».

В понедельник и пятницу к отцу Петру домой «приходили и приезжали толпы окрестных крестьян... с просьбой отслужить молебен, помолиться за болящих и пособороваться». Священник Петр Григорьев любил природу, ценил искусство и сам обладал литературным талантом. О том, что он писал акафисты, составлял службы, молитвы и сочинял духовные стихи нам так же известно из допроса псаломщика Владимира К. Эта сторона личности священника тоже притягивала к нему людей.

В жизнеописании священномученика Павлина (Крошечкина), бывшего в середине 1920-х годов епископом Рыльским, упоминается «обоянский священник Григорий Петров, наделенный незаурядным поэтическим талантом»¹⁴. Указано, что им были составлены несколько акафистов, заупокойная служба и служба святому Павлину Ноланскому, небесному покровителю священномученика Павлина. Автор жизнеописания, живший за рубежом, не претендовал на полноту информации и заранее просил у

читателей прощения за возможные ошибки. Возможно, одной из них было и изменение имени обоянского священника. В памяти писателя он остался как Григорий Петров, хотя на самом деле был Петром Григорьевым. В некоторых вариантах жития священномученика Павлина сам владыка ошибочно называется автором службы своему небесному покровителю, а настоящий составитель этой службы даже не упоминается...

Постоянным участником молитвенных собраний в доме отца Петра была друг его детства Елена Владимировна Чекарн, учительница, дочь действительного статского советника. Владимир К. дает ей такую характеристику: «очень умная и образованная женщина, обладающая злой иронией».

Далее псаломщик сообщал: «О политических убеждениях Григорьева трудно что-нибудь сказать, так как он об этом вообще не любил говорить, отделяясь шуточками, балагурством... Внешне он всегда был строго лоялен». Но следствие требовало от свидетеля пронизательности, и тот «проницал»: «Конечно, трудно предположить, чтобы Григорьев, как и вообще все духовенство, чувствующее себя обиженным, относился сочувственно к власти...»

Священномученик Петр Григорьев и старица Мисаила (Зорина)

Вызывает интерес и еще один фрагмент допроса псаломщика К., в котором он описывает взаимоотношения отца Петра и почитаемой в Курском крае старицы Мисаилы (в миру Матрены Гавриловны Зориной): «Григорьев относился с особым почтением к некой старухе по имени Матрена Гавриловна из села

Схимонахиня Мисаила
(Зорина Матрена
Гавриловна). Фото с сайта
westiru.narod.ru

Зорино под Солнцево, которая бывала у него несколько раз в Обо-яни и выдавалась им за святую и прозорливицу, способную предсказать будущее».

На этом месте хоте-лось бы воскликнуть: «Подробней, пожалуй-ста!» Но, увы. Подроб-ностей в тексте допроса нет. И более в материа-лах этого следственного дела старица Мисаила не упоминается.

Протоиерей Василий Артамонов

«Связной»

По мысли сотрудников ОГПУ, сельские ячейки организации были связаны с местными священника-ми. Те держали связь с городскими батюшками и, в частности, со священником Григорьевым. А уж он, в свою очередь, общался с архиепископом Дамианом посредством почты или связных. Часто роль связного выполнял священник храма в селе Каменка Василий Артамонов.

Отец Василий служил в пределах Обоянского района с лета 1921 года. Сначала — в селе Кулига, а с декабря 1928 года — в селе Каменка.

А родился протоиерей Василий в 1895 году в семье псаломщика Александра Артамонова, служившего в

храме Казанской иконы Божией Матери в селе Старая Масловка Новооскольского уезда Курской губернии. (Деревянный храм, 1854 года постройки, был разрушен в советское лихолетье. Село Старая Масловка упоминалось еще в середине XX века. Тогда оно входило в состав Чернянского района Белгородской области и относилось к Ездоченскому сельскому совету. В справочной литературе за 1991 год о Старой Масловке уже не упоминается)¹⁵.

Образование Василий Артамонов получил сначала в Старооскольском (по другим данным — Белгородском) духовном училище, затем в Курской духовной семинарии.

Год 1916-й в жизни Василия Александровича был, пожалуй, самым насыщенным событиями. В этом году он венчался с Марией Тихоновной Глуховцевой, окончил учебу в семинарии и принял священный сан. Рукоположил его в городе Щигры 26 июня епископ Рыльский Феофан (Гаврилов), в ту пору второй викарий Курской епархии.

Молодому священнику был 21 год. Все свои силы ему хотелось направить на служения Богу и людям, на дела милосердия. Церковь Архангела Михаила в селе Рудка (Кореневка тож) Фатежского уезда стала первым храмом, в который иерей Василий Артамонов получил назначение.

Медаль «За усердие» от генерала Брусилова

Шла Первая Мировая война, которую тогда еще называли Второй Отечественной. Солдаты и офицеры русской армии, защищавшие рубежи Российской империи, не знали, что через несколько месяцев она прекратит свое существование. Они исполняли свой

воинский долг. В тылу же не только молились о победе русского оружия, но всячески старались облегчить тяготы военной службы. Поэтому призыв времен Великой Отечественной войны «Все для фронта, все для победы!» в истории нашего Отечества был не нов.

Историк Анатолий Бирюков, собиравший данные о жизни священника Василия Артамонова, выяснил, что тот был награжден медалью «За усердие» на Станиславской ленте «за активное участие в сборе средств для раненых солдат среди жителей Курской губернии»¹⁶. Приказ о награждении, которому в Императорской Ставке присвоили номер 1792, подписал генерал А. А. Брусиллов 31 октября 1916 года.

«Умрем, но своих священников не отдадим»

Но вот наступил год 1917-й... Все две революции отец Василий встретил в Фатежском уезде, а 25 декабря 1918 года был перемещен в Успенский храм села Большая Халань (ныне Корочанского района Белгородской области). Этому перемещению предшествовали следующие события. Священник Василий Артамонов попал в списки «нетрудового элемента», призываемого в тыловое ополчение. А над храмом нависла угроза закрытия. Утром 13 ноября отец Василий призвал своих прихожан последний раз перед закрытием храма принять Святых Тайн и начал Божественную Литургию. Тем временем к церкви прибыли в полном составе члены волостного комитета во главе с командиром волостной ЧК. Комиссар хотел было, войдя в храм, прервать службу, но получил отпор верующих и был изгнан из церкви. Вслед ему несло: «Вам здесь не место, это место святое» и «Умрем, но своих священников не отдадим».

Комиссар отступил, однако не изменил своих намерений. Он вернулся в село из Фатежа с подмогой. В полдень 12 кавалеристов фатежской караульной службы с пулеметами уже держали под прицелом верующих. А те встречали их набатным звоном. «Командир отряда Чертов не рискнул применить силу и дал людям 30 минут на то, чтобы они разошлись по домам. Затем пулеметчики открыли огонь над головами прихожан, но более полутора тысяч восставших залегли во рвы вокруг храма и приготовились к рукопашной схватке. Не отважившись пойти в атаку, кавалеристы вернулись в Фатеж»¹⁷.

Там на базе ЧК срочно собрался президиум уездного исполкома. На нем мятежное село было объявлено на военном положении, и ночью туда из уезда выдвинулся вооруженный отряд, готовый к самым решительным действиям. Однако никто из селян уже не собирался давать непрошенным гостям вооруженный отпор. Еще днем все разошлись по домам, укрыв священника и активистов.

Отступление и возвращение

После этого оставаться на территории Фатежского уезда отцу Василию было небезопасно. В Большой Халани он прослужил недолго, осенью 1919 года приняв трудное решение отступать на юг вместе с уходящими войсками Добармии. Как ни больно было покидать родные края, но священник понимал, что полнокровной церковной жизни при советах не будет, а к мученической кончине, которую уже претерпели от рук большевиков несколько десятков клириков Курской епархии, он был еще не готов. И пусть туманным и политически неопределенным было то будущее, которое несли на штыках солдаты Белой Армии, оно все-таки

казалось лучшим, чем перспективы, проглядывающие из-за спин комиссаров Красной Армии.

К тому же очень хотелось верить, что разлука с родной стороной не затянется на долгие годы. 13 ноября 1919 года покинула Курск и главная святыня края — Курская Коренная икона Знамения Божией Матери¹⁸.

Отступали с белыми не только священники. К примеру, весной 1920 года в Крыму большевики заселили целый лагерь железнодорожными рабочими и членами их семей, ушедшими с белогвардейцами из Курска. По свидетельству протоиерея Николая Донченко, впоследствии этих «рабочих вместе с женами и детьми, около 400 человек, из лагеря выгнали и расстреляли на мысе Святого Илии...»¹⁹.

Брат матушки Марии, супруги священника Василия Артамонова, так же работал на железной дороге. Но его большевики расстреляли в пределах Курской губернии.

Последней точкой в исходе Артамоновых стал город Таганрог. Здесь в ожидании корабля, превращающего жителей России в эмигрантов, отец Василий тяжело заболел. Тиф уложил его на несколько месяцев. «Когда смертельная опасность миновала, в Таганроге уже была Красная Армия, и семья Артамоновых вынуждена была вернуться»²⁰. Возможно, некоторое время отец Василий жил в Фатежском уезде, но в 1921 году получил назначение на приход в селе Кулига Обоянского уезда. И в 1928 году, вероятно, уже после прибытия в Курскую епархию нового архиерея — владыки Дамиана — был перемещен в Каменку.

Обновленческий соблазн

В 1922 году, как и многие священнослужители епархии иерей Василий Артамонов оказался в обновленческом

расколе, но в 1924 году принес покаяние и был принят в общество священномучеником Иувеналием (Масловским).

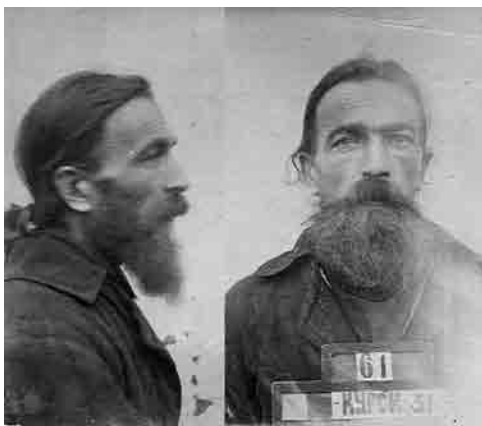
История обновленческого движения в Курском крае еще не исследована в полной мере. Те документы, которые отложились в фондах Государственного архива Курской области, позволяют нам сделать вывод, что большинство приходских священников были попросту записаны в обновленцы, сами того не зная. О том, что творится в церковной жизни Москвы и Курска, они имели самое смутное представление. А узнали они об этом, когда им из Курска прислали анкету, предложив указать: к какой именно обновленческой группе они питают большие симпатии²¹.

При владыке Дамиане мы видим священника Василия Артамонова в рядах активных церковных деятелей, возвращающих из обновленческого раскола близлежащие приходы.

«Человек крайне религиозный»

В 1920-е годы у Артамоновых родилось четверо сыновей: Серафим (1924 г.), Николай (1926 г.), Иван (1928 г.) и Александр (1930 г.). После ареста главы семейства в октябре 1931 года матушке Марии пришлось очень тяжело. Она была представительницей обнищавшего дворянского рода Глуховцевых. Воспитание получила в семье Курского губернатора князя Н. Л. Оболенского. Связав свою судьбу с верным служителем Церкви, Мария Тихоновна испила до дна всю чашу страданий, выпавших на долю жен репрессированных священников.

Через месяц после ареста батюшки (а точнее, 23 ноября 1931 года) матушка Мария обратилась в Курск с заявлением: «Прошу Курское Г.П.У. дать разрешение

Протоиерей
Василий
Артамонов. Фото из
следственного дела

на передачу белья и продуктов питания лишенному свободы священнику Василию Александровичу Артамонову». Заявление подшито к следственному делу. Какая на него последовала резолюция — неизвестно.

Сотрудники ОГПУ не ограничились допросом самого священника и опросом свидетелей, они установили за отцом Василием слежку и в камере. И что же им удалось добавить к полученным ранее материалам?

«Человек крайне религиозный. Свою принадлежность к организации отрицает. К священнику Петру Григорьеву был близок по сходству религиозного мировоззрения. Не скрывает, что ему приписывают роль посредника между организацией и архиепископом Дамианом. Идеология выпукло церковническая», — так характеризует отца Василия Артамонова его сокамерник, согласившийся сообщать следователю ОГПУ о том, как ведут себя в камере другие арестанты.

Подобная характеристика в относительно мягком 1931 году тянула на 5 лет. Срок этот священник отбывал в Карелии, в городе Медвежьегорске. Принимал он участие в строительстве Беломоро-Балтийского канала.

В 1935 году был приговорен к расстрелу младший брат отца Василия — Михаил Александрович Артамонов, невзирая на свое непролетарское происхождение дослужившийся до должности начальника Уральской железной дороги. А сам отец Василий в том же году был досрочно освобожден и вернулся в Обоянь.

Спасение комиссара полка

«Занимался физическим трудом в разных учреждениях и организациях»²², — так объяснил в анкете священник, что он делал после возвращения из мест заключения. А родные уточняют, что отец Василий, чтобы прокормить семью, не гнушался никакой работой: подряжался пилить дрова, класть печи, трудился землекопом (пригодился лагерный опыт) при строительстве железной дороги к Обоянскому свеклопункту и даже был назначен учетчиком строительной бригады. Все это, разумеется, без отречения от веры, без потери «крайней религиозности». Просто духовная жизнь не вмещается в анкетные данные и записи в трудовой книжке.

Постоянная угроза нового ареста всегда висела над головой священника. В конце 1930-х годов во время очередной волны арестов священнослужителей, отец Василий покинул Обоянь, где его все знали, и переехал в Курск. Здесь он снимал небольшую комнату на улице Борзенковой, работая грузчиком-экспедитором в галантерейном магазине. В начале войны священник перевез и семью в Курск, уже оккупированный немцами, но в январе 1942 года вновь вернулся в Обоянский район, откликнувшись на приглашение прихожан Никольской церкви села Горяиново служить у них. Первая служба отца Василия состоялась на Крещение Господне.

Историк Анатолий Бирюков со слов родных отца Василия Артамонова так описывает один эпизод из жизни батюшки: «Во время освобождения в 1943 году села Горяйново, населенный пункт несколько раз переходил из рук в руки. После одного из боев части Красной Армии отступили, а в храме остались двое тяжело раненых бойцов: Яков и Николай. Ворвавшиеся гитлеровцы разыскивали и добивали раненых. Отец Василий облачился, взял в руки крест и Евангелие и встал у входа в церковь. Направившимся с обыском в храм немцам он заявил, что раненых, покуда жив, не выдаст. Захватчики не решились стрелять в пастыря и оставили раненых в покое. Вскоре один из них — Яков — умер от ран, а Николай выжил стараниями семьи Артамоновых. После освобождения села оказалось, что раненый Николай является замполитом, комиссаром полка, и командир советской части представил документы к награждению о. Василия, но награды не последовало — сказался социальный статус и тюремное прошлое»²³.

«Осмеливаюсь просить молитв за меня и паству мою»

С апреля 1943 года по март победного 1945-го священник был настоятелем храма святых Косьмы и Дамиана в селе Косиново Обоянского района. Следующие четыре года отца Василия были связаны с Введенским храмом в селе Пименово-Орехово Стрелецкого района Курской области. Служа здесь, он в 1948 году был возведен в сан протоиерея.

К личному делу протоиерея Василия Артамонова подшито его пасхальное приветствие, отправленное правящему архиерею весной 1947 года, которое по-

Анкета из личного дела протоиерея Василия Артамонова. Архив Курской епархии

звolyет нам дополнить его портрет еще некоторыми чертами. Не поленимся процитировать это письмо полностью:

«Христос Воскресе!

Святый Владыка и Милостивейший Архипастырь.

Не имея возможности лично представиться Вам, осмеливаюсь письменно приветствовать Вас с праздником Светлого Христова Воскресения и просить Ваших святых молитв у Престола Божия за меня и паству мою, дабы молитвой теснее соединиться в стремлении единой дружной семьей славить воскресшего Господа».

С 1949 по 1954 годы отец Василий — клирик Сумской епархии (служил в селах Землянки, Марчихины Буды, Кахановка и Шпатовка). Сам священник писал,

что Курскую епархию он покинул «по обстоятельствам от него независящим».

Епископ Сумской Евстратий (Подольский) дал отцу Василию такую характеристику: «Скромный по характеру, глубоко верующий, любит службу, пользуется любовью прихожан»²⁴.

«Господи, прими душу мою с миром»

В августе 1954 года протоиерей Василий, уже ощутив первые признаки тяжелой болезни, возвратился

Протоиерей Василий Артамонов
в последние годы жизни

в родную Курскую епархию и получил назначение в Вознесенскую церковь села Верхняя Ольшанка Пристенского района. Вскоре болезнь все увереннее вносила коррективы в богослужебный график священника. Наконец, он вынужден был подать прошение об уходе на покой. Вместо этого в июне 1956 года отца Василия назначили к Троицкой церкви села Павловка. Однако батюшка вернулся в епархию указ о своем перемеще-

нии и вновь подал прошение о выходе за штат, добавив, что болезнь его «не эпидемического характера». Это был рак легких. От него батюшка и скончался в Курске у сына в июле 1957 года.

«По свидетельству очевидцев, отец Василий ни разу не пожаловался во время болезни на страдания и только однажды, за несколько дней до смерти тихо застонал. Все это время губы его тихо шептали слова молитвы: «Господи, прими душу мою с миром»²⁵.

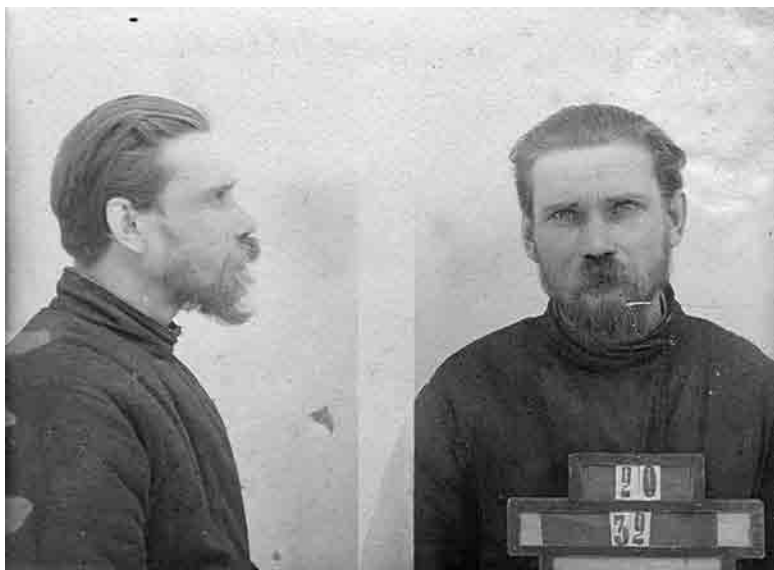
Отпевание протоиерея Василия Артамонова, в котором приняли участие восемь священников, состоялось в Свято-Троицком храме. А похоронили батюшку у стен Всехсвятского храма. (Могила его находится неподалеку от церковной лавки).

Иеромонах Фока (Антонов): «Я являюсь наислабейшим последователем Христа»

Биография иеромонаха Фоки (Антонова), еще одного обоянского священника, записанного органами ОГПУ в церковно-монархическую организацию, короче жизнеописания отца Василия Артамонова. Он был расстрелян в начале Великой Отечественной войны.

Иеромонах Фока родился в октябре 1893 года в селе Духаново Путивльского уезда Курской губернии в семье Ивана Антонова. В святом крещении он был наречен Филиппом. В 1916 году Филипп Антонов окончил Курскую Духовную Семинарию. Он был помощником инспектора Обоянского духовного училища до закрытия этого учебного заведения в первые месяцы советской власти.

2 сентября 1918 года Филипп Иванович принял монашеский постриг и зачислен в братию Обоянского

Иеромонах Фока (Антонов Филипп Иванович). Фото из следственного дела

Знаменского мужского монастыря. 13 декабря 1920 года состоялось рукоположение монаха Фоки в сан иеродиакона. В декабре 1923 года монастырь в Обояни был ликвидирован властями, и иеродиакон Фока (Антонов) служил на разных приходах в Обояни.

23 ноября 1927 года отца Фоку рукоположили в сан иеромонаха. Но очень скоро он по состоянию здоровья (паралич левой руки и ноги) не смог совершать богослужения. В 1929–1930 годах исполнял обязанности псаломщика в селе Рудавец Обоянского р-на. Затем выехал в Рыльск к епископу Иоанну (Пашину).

12 апреля 1931 года по требованию агента уголовного сыска иеромонах Фока прибыл добровольно в милицию

и был арестован. Обвинили его в участии сразу в двух контрреволюционных группах. Интересовались им не только обоянские чекисты, но и сотрудники Львовского ОГПУ, завершавшие дело под кодовым названием «Масоны»²⁶.

3 октября 1931 года отца Фоку перевели в Курский домзак.

На допросах он ответил, что не признает за собой вины, поскольку никакой контрреволюционной деятельностью не занимался и так объяснил свое политическое кредо: «Я считаю советскую власть как власть, допущенную Богом. Разделяю ее мысли о водворении на земле возможных для человека равенства и братства во всех отношениях. Чтобы люди могли пожать друг другу горячо руки и сказать: мы все братья, долой вражду, воспримем мир и радость, и любовь. Вот мои политические убеждения. Из каковых нисколько не вытекает контрреволюционных мыслей».

Горечью и скорбью продиктованы и следующие строки из «показания» арестованного иеромонаха-инвалида, уже более полугода ожидающего решения своей участи: «Я всегда был сторонником уединения, как по слабости здоровья, так и по своему образу мыслей... зачем, для чего и почему ныне существующая власть утверждает, что я противник власти. Я являюсь наислабейшим последователем Христа, желающим остаток своих скорбных, быть может, дней прожить при исполнении своего любимого дела — служения и молитвы в храме Божиим...»

И в то же время отец Фока понимал, что молитвенный покой нельзя купить ценой лжи, угодной следствию, ценой оговора себя и других. Поэтому он не соглашался задним числом создавать в Обояни

контрреволюционную организацию, твердо заявляя следователю: «Простите, Вы ставите мне на вид мою связь с духовенством Обояни... На это отвечу, что протоиерей²⁷ Петр Григорьев — мой приятель по школьной скамье и только. Таким же является другом и священник Василий Артамонов, у которого я за дальностью расстояния никогда и не был. Приезжая в Обоянь я иногда заходил к Григорьеву обогреться или покушать. Священник Нестеров Николай являлся моим настоятелем по храму в селе Рудавец, с которым я прослужил только один год»...

Полупарализованный, с нервным истощением, по мнению врачей, «не годный к физическому труду», отец Фока получил три года лагерей.

Чудом выжил. Вернулся в Обоянь. Жил подаванием добрых людей. За ним из сострадания ухаживала (готовила, обстирывала) санитарка Евдокия Зиборова, так же репрессированная в 1931 году по делу обоянской «к-р организации». Власти считали отца Фоку психически больным человеком и несколько раз отправляли на принудительное лечение в Сапогово.

В 1941 году иеромонаха Фоку (Антонова) арестовали последний раз. 27 сентября, в праздник Воздвижения Креста Господня, Военный Трибунал посчитал опасным оставлять его в живых в условиях начавшейся войны и приговорил к высшей мере наказания — расстрелу.

Обоянь — Лондон

Иеромонаха Фоку (Антонова) в 1931 году обвиняли, кроме всего прочего, и в связях с границей. Следствию стало известно, что он получал письма из Лондона от епископа Николая (Карпова), викария

Западно-Европейской епархии Русской Зарубежной Церкви. Владыка Николай (в миру Иван Ильич Карпов) одно время подвизался в Обоянском Знаменском монастыре. В 1913 году он принял монашество и был рукоположен в сан иеродиакона, а 10 апреля 1916 года — в сан иеромонаха²⁸. В 1917-1918 годах иеромонах Николай преподавал в Обоянском духовном училище. Затем был епархиальным проповедником Курской епархии²⁹. В период Гражданской войны он эмигрировал через Константинополь в Сербию, служил на приходе, преподавал в семинарии. С 1926 (или 1927) года получил назначение в Лондон и 30 июня 1929 года был рукоположен в сан епископа. Умер владыка Николай в октябре 1932 года в Белграде, куда прибыл для участия в Архиерейском Соборе³⁰.

Обоянский Знаменский мужской монастырь. 1911 г. Фото А. И. Цегельского из книги Ю. В. Донченко «Курская губерния на старой открытке»

Иеромонах Фока и будущий епископ Николай познакомились и сблизились в Обояни. Но едва ли их переписка носила систематический характер. Возможно, она ограничилась двумя-тремя посланиями. Во всяком случае, известно, что она прекратилась задолго до ареста отца Фоки.

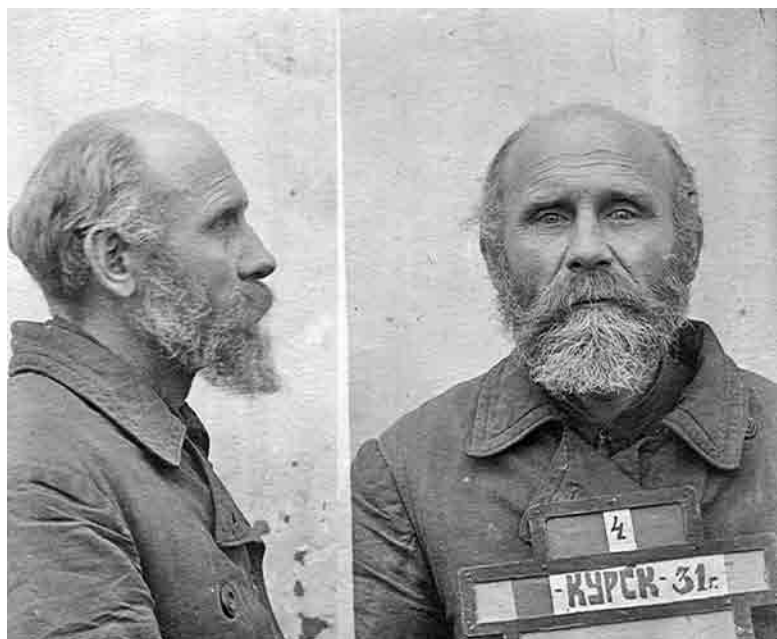
Владыка Николай из безопасного далеко мог позволить себе критику советской действительности и укорял смирившееся с этой действительностью духовенство. Сторонников митрополита Сергия (Старгородского) он приравнивал к обновленцам и называл «людьми с кривой душой, рабски боящимися своих богов-комиссаров».

Неизвестно, как реагировал на такую критику отец Фока, но сотрудники ОГПУ восприняли эти тирады как подарок. Теперь обоянской «церковно-монархической организации» можно было присвоить статус международной.

Знал о письмах из Лондона и отец Петр Григорьев...

Иеродиакон Иоасаф (Будченко): «Мы должны стоять за веру»

Насельником закрытого обоянского монастыря были иеродиакон Иоасаф (в миру Яков Кириллович Будченко). Родился он в 1877 году в селе Ниновка Новооскольского уезда Курской губернии в крестьянской семье. До 1914 года подвизался в Рыльском Николаевском монастыре, затем был санитаром военного госпиталя в Курске и, наконец, оказался в Обояни. В последние годы он служил псаломщиком в городском Троицком соборе. Жил на улице Луначарского в доме Булгакова, недалеко от гимназии.

Иеродиакон Иосаф
(Будченко Яков Кириллович).
Фото из следственного дела

По обоянскому делу отец Иосаф получил пять лет лагерей. Отбывал наказание в СЛАГе ОГПУ. Но в 1933 году был досрочно освобожден с лишением «права проживания в 12 пунктах и местности, из коей был выслан». Поэтому он вернулся в место, где родился и здесь его в 1937 году ожидал новый арест.

В комнате для арестантов (в простонародье — арестовке) Новооскольского райотделения милиции иеродиакон находился вместе с другими священнослужителями: священником из Новой Безгинки Песчанским, диаконом новооскольского собора Ианном Якубенко

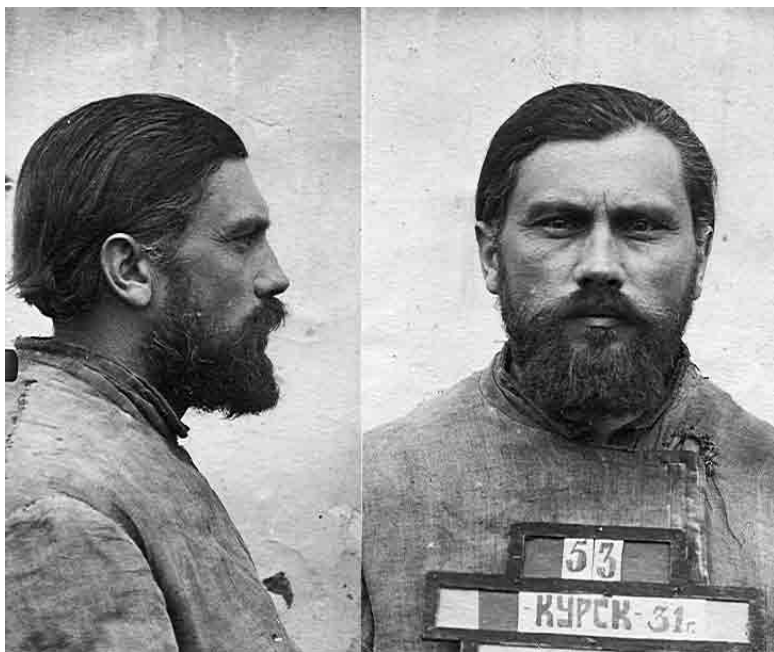
(обновленцем), еще одним диаконом из Слоновки. Был в арестовке и секретный осведомитель А. М. Из агентурных донесений последнего нам известно, что в камере отец Иоасаф не падал духом и вдохновлял сокамерников на мужественное перенесение грядущих мучений. Его слова приведены в донесении А. М. (возможно, с некоторым искажением, не меняющим сути): «Пусть нас терзают, как лютые звери, но все-таки мы должны держаться и стоять так, как и в древние времена стояли за веру гонимые... Все-таки эта свора сама незаметно для них погибнет, но мы или наши дети уже дождутся благодати Божией. А сейчас давайте, братия, примем исповедь и попростимся»³¹.

Далее осведомитель сообщает, что священник Песчанский прочел молитву над головой отца Иоасафа, а тот, плача, говорил: «Слава Тебе, Господи, что Ты принимаешь к себе раба Божия»³².

Дальнейшая судьба иеродиакона Иоасафа пока неизвестна. Пребывавший с ним в одной камере диакон Иоанн Якубенко был расстрелян 4 декабря 1937 года. Вряд ли пережил этот роковой год и отец Иоасаф.

Протоиерей Василий Бородин. Все имущество: крест, ряса и пальто.

Протоиерей Василий Прокопьевич Бородин, получивший по обоянскому делу 1931–1932 годов 10 лет ИТЛ, отбывал наказание на строительстве Беломорканала, на золотых приисках Колымы, в Петропавловске-Камчатском. Уже в лагере срок ему увеличили еще на четыре года. И, несмотря на это, он все-таки выжил. Вернулся в Обоянь. Жил на улице 1-го Мая в доме №36.

Протоиерей Василий
Бородин. Фото из
следственного дела

26 января 1946 года отец Василий, едва придя в себя после долгого заключения, подал прошение на имя архиепископа Курского Питирима с просьбой определить его «священником к какой-нибудь церкви города или района»³³. К прошению он приложил и свою биографию, значительно восполняющую скудные данные из следственного дела ОГПУ.

Родился священник Василий Бородин 9 апреля 1888 года в крестьянской семье в одном из сел Медвенского района Курской области, которого уже нет на современных картах (Новоильинское). В анкете следствен-

ного дела указано другое место рождения — слобода Казацкая под Обоянью, с 1959 года вошедшая в черту города³⁴.

В 1910 году Бородин окончил Курскую духовную семинарию со званием студента. Год преподавал в церковно-приходской школе в Обоянском уезде. Затем учительствовал в земской школе в Волчанском уезде Харьковской губернии. 5 июля 1913 года Василий Прокопьевич был рукоположен в сан священника и определен к Троицкой церкви слободы Одринка Харьковской губернии. С 1 октября 1924 года отец Василий служил в соборной церкви Обояни. В 1926 году Заместитель Местоблюстителя Патриаршего Престола митрополит Сергей (Страгородский) подписал указ о награждении иерея Василия Бородина наперсным крестом. В 1930 году священномученик Дамиан (Воскресенский) возвел его в сан протоиерея, а 1 октября 1931 года назначил настоятелем кладбищенской церкви Обояни. (Прошлый настоятель этого храма снял сан и публично отрекся от Христа). Но служил здесь отец Василий меньше месяца. То есть до своего ареста. Жил тогда священник на квартире у сапожника Владимира Федоровича Губкина. Хозяин квартиры был арестован вместе со своим квартирантом и получил три года лагерей условно...

Архиепископ Питирим рассмотрел прошение вернувшегося из лагеря священника и командировал его в Щигры на помощь больному протоиерею Константину Солодовникову. Однако 16 февраля 1946 года отец Василий отправил архиерею письмо с просьбой простить его и отпустить в Сумскую епархию:

«Владыко Святый!

Покорнейше прошу простить меня недостойного, назойливого протоиерея Василия. Сознаю свой не тактичный поступок и сердечно извиняюсь за при-

чиненное Вам беспокойство. Обстоятельства так сложились для меня, что я вынужден был принять предложение своего товарища по Курской семинарии, ныне епископа Сумского Илариона.

Я получил от него указ о назначении меня на постоянное место в город Белополье, куда я должен немедленно отбыть...»³⁵.

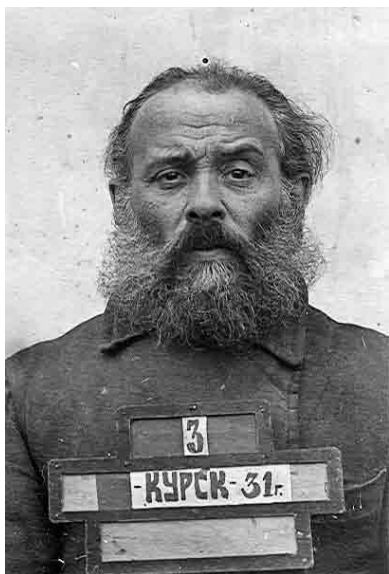
Три года протоиерей Василий Бородин служил в Сумской епархии. В апреле 1949 года его вновь арестовали и обвинили в «высказывании планов по созданию контрреволюционной организации из числа духовенства для борьбы с советской властью»³⁶. Во время ареста сотрудники госбезопасности описали все имущество батюшки: крест, рясу и пальто. В августе Особое Совецание при Министерстве Государственной Безопасности Союза ССР приговорило отца Василия к новому наказанию — ссылке в Казахстан на 5 лет. Однако он туда не доехал. Заболел по дороге, был снят с поезда на Урале и умер в больнице.

Провокации ОГПУ

Сотрудники ОГПУ, пользуясь тем, что связь приходских священников с высшей церковной иерархией была крайне слабой, устраивали провокации. Так они на допросе сообщили священнику села Шипы Григорию Курганскому, что Заместитель Местоблюстителя Патриаршего Престо-

Священник Григорий Курганский.
Фото из следственного дела

Священник Иаким
Процких. Фото из
следственного дела

ла Митрополит Сергей (Страгородский) призвал духовенство организовывать стачки. Отец Григорий отреагировал следующим заявлением на имя владыки Сергия: «С Вашим посланием, направленным против советской власти, объявленным мне в Обоянском Г.П.У., я не согласен и принимать участие в каких-либо стачках не буду»³⁷. Заявление под-

шили к следственному делу священника. Адресату его, скорее всего, не отправляли.

В арсенале следователей ОГПУ был и такой прием. Одному из обвиняемых они говорили, что другой обвиняемый якобы признался в совершении того-то и того-то. А потом уже вкладывали в уста первого обвиняемого свои собственные слова.

Отец Петр уточнял, что он не говорил о том, что иеромонах Фока был связным между Рыльском, Курском и Обоянью. Это ему на предыдущих допросах сообщили, что отец Фока сам признался, что был связным. Самому же отцу Петру об этом ничего не было известно.

На одном из допросов следователь сообщил священнику Петру Григорьеву, что протоиерей Василий Бородин признался, что был завербован в организацию Григорьевым. На это отец Петр ответил: «Я не мог

вербовать Бородина, так как сам был незавербован». Протокол этого допроса датирован 19 декабря 1932 года. Следовательно, протоколы допросов, состоявших ранее, где содержатся «признания» отца Петра в причастности к мифической организации нужно оставить на совести следствия.

Обвиняли арестованных не только в тайных политических преступлениях, прикрытых религиозностью, но и просто в религиозности. К примеру, один из свидетелей передавал следствию такие слова священника Иакима Процких из слободы Павловка: «Бог есть. Надо молиться. Отрекаться нельзя. Ты вот мне не докажешь, что Бога нет». Доказывать священнику ничего не стали, а просто отправили на три года в лагерь.

Большевицкое краеведение

В процессе следствия сотрудники Курского ОГПУ заставили руководителей первичных партячеек заниматься... краеведением. К делу подшиты образцы описаний сел, в которых жили до своего ареста священники, составленные местными партийными лидерами. Вот, к примеру, как описывает слободу Рыбинские Буды секретарь тамошнего парткома:

«Состоит из 770 дворов. До 1917 года — кулацкая. Село имело 100 кулацких дворов. Октябрьскую революцию рыбинские кулаки встретили враждебно. Неоднократно выезжали отряды и трибуналы — успокаивали население и подвергали высшей мере наказания кулаков и торговцев.

На протяжении всего периода НЭПа рыбинские кулаки чувствовали себя свободно и варварски относились к бедноте и мероприятиям советской власти. Отрыжки такого отношения со стороны недобитых

Успенский храм
в селе Рыбинские
Буды Обоянского
р-на. Середина
XX века. Фото из
архива Курской
епархии

кулаков сохранились и по настоящее время. Особенно это заметно сказалось при проведении основных хозяйственно-политических кампаний в 1930-1931гг. В 1930 году годовой план хлебозаготовок был выполнен на 80%...

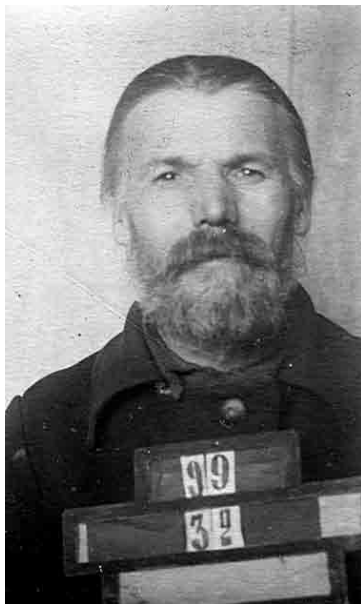
Такому катастрофическому положению содействовал местный поп Халин и диакон Волышко Иван Матвеевич, и церковный ктитор Бондарева Татьяна Михайловна. И им подобная свора, ныне изъятая органами О.Г.П.У...

После изъятия упомянутых значительно подвинулись вперед планы хлебозаготовок. Все это объясняется

Диакон Иоанн Волынка.
Фото из следственного дела

тем, что указанные выше лица вели антисоветскую агитацию через Церковь...»

В подобных выражениях с использованием слов «свора», «катастрофическое положение» и с жалобами на засилье кулаков составлено описание села Каменка. Только там местного священника Василия Артамонова обвиняли еще и в «тайном прорицании гибели советской власти».

Партийные лидеры слободы Казацкой вспомнили, как местное население встречало хлебом-солью Деникина. Из Шиповского сельсовета радостно отчитывались, что «после ареста попа Курганского в одни сутки выполнили годовую хлебозаготовку на 14%», таким образом, на 3% перевыполнив годовой план. Из

Священник Иоанн Ковалевский. Фото из следственного дела

села Зорино жаловались на священника Ковалевского, объявляя его вдохновителем и организатором распададения колхозов. В марте 1930 года священник стал чаще служить (Великий Пост начался) и 60% всех дворов вышли из колхоза. «Арест попа повлиял в лучшую сторону на ход хозполитических кампаний, — докладывали зоринские партийцы. — Усиление церковных служений... сорвало работу по уборке сахсвеклы и полке. Были случаи, когда женщины (110–120 человек) шли полоть свеклу, но в это время раздавался звон к службе, и женщины, бросив работу, шли к обедне».

Священнику Иоанну Ковалевскому досталось еще за то, что он «в праздничные дни затягивает богослужение до 2 часов дня и позже, читает проповеди. Умелым богослужением он привлекает на свою сторону в большинстве женщин и вообще население, ввиду чего пользуется большим авторитетом...» Один из свидетелей из Зорино говорил об отце Иоанне: «Я лично агитации от него, направленной против советской власти, не слышал. Но приходилось слышать от верующих женщин...» И далее сплеталась сплетня по известному образцу: одна баба сказала.

«Форсируем»

Следствие затягивалось и вновь не вписывалось в отпущенные сроки. 15 декабря 1931 года помощник уполномоченного 3-го СПО Курского Оперсектора ПП ОГПУ по ЦЧО просил о продлении сроков еще на два месяца. А 17 декабря в Воронеж из Курска работники ОГПУ отправили совершенно секретное сообщение: «Дело следствием форсируем».

«Тройка постановила...», или Пролог к новому следственному делу

16 апреля 1932 года Тройка при ПП ОГПУ по ЦЧО по внесудебному рассмотрению дел постановила священников Петра Федоровича Григорьева и Василия Прокофьевича Бородина заключить в лагерь на 10 лет; священников Германа Ивановича Руденко, Василия Александровича Артамонова, Григория Ивановича Курганского, Ивана Стефановича Воронова, Феодора Иаковлевича Слюнина, Николая Дмитриевича Нестерова, Михаила Михайловича Зубкова, Александра Григорьевича Мохнева, Михаила Ивановича Лысенко, Иоанна Дмитриевича Ковалевского и иеродиакон Иоасаф (Будченко) — на 5 лет. Три года лагерей получили иеромонахи Фока (Антонов) и Апполоний (Жиленков), диакон Павел Стефанович Воронов, регент Василий Семенович Федоренко и священники Петр Тимофеевич Халин, Онуфрий Григорьевич Успенский, Андрей Григорьевич Фесюк, Иаким Дмитриевич Процких. В Северный край на три года этапом Тройка отправила священников Виктора Ивановича Соловьева, Геронтия Андреевича Чистякова, Илью Алексеевича Иванова, диако-

Священник Андрей
Фесюк. Фото из
следственного дела

Священник Николай Нестеров. Фото из следственного дела

на Матфея Архиповича Карачевцева, псаломщика Гавриила Александровича Амелина и мирянина Николая Алексеевича Пыхтина. Условный срок (три года) получили протоиерей Николай Дмитриевич Кулинич, диакон Иоанн Матвеевич Волынка, монахиня Лариса (Константинова), псаломщик Владимир Михайлович

Каракулин, миряне Владимир Федорович Губкин и Василий Степанович Ткачев. Еще трое обвиняемых (учитель рисования Виктор Николаевич Борзенко, безработная учительница Елена Владимировна Чекарн и санитарка народной больницы Евдокия Савельевна Зиборова были «прикреплены к определенному месту жительства сроком на три года». Фактически, к той же ссылке. Местом «прикрепления» стал город Кузнецк.

Из всех арестованных по делу обоянской «церковно-монархической организации», 22 человека были освобождены ранее. Однако, некоторые лишь временно.

Еще 2 марта 1932 года неутомимый уполномоченный Курского Оперсектора ОГПУ И. «принял во внимание», что по обоянскому делу «имеются улики против архиепископа Курского Дамиана, ктитора Кофанова Ивана Сергеевича, Кофанова Матвея Сергеевича, священников Лелюхина, Иванова, Ива-

ницкого, Ковалевского Алексея, Горяинова Фрола, Афанасьева Алексея, монашек: Дарьи, Ксении, Ефросинии, Зинаиды и Татьяны Яковлевны в принадлежности их к контрреволюционной церковно-монархической организации». Уполномоченный готов был и новых фигурантов одним махом бросить на растерзание Тройке, но не вышло. Некоторые из упомянутых в документе лиц «от следствия скрылись». Для привлечения других требовалось установить их местожительство. А в отношении остальных не хватало материалов. Таким образом, дело в отношении владыки Дамиана и связанных с ним священнослужителей, монахов и мирян было решено «выделить в особое производство».

Поэтому уголовное дело № П-12372 из архива УФСБ по Курской области, возбужденное против членов обоянской «церковно-монархической организации», следует считать прологом к делу № П-11015 по обвинению членов организации «Ревнителю Церкви». В материалах последнего дела сообщается, что ликвидированная в Обояни, Обоянском районе и Курске контрреволюционная организация насчитывала 47 человек.

Учительница Елена
Чекарн. Фото из
следственного дела

А само дело «Ревнителей Церкви» утянуло в тюрьмы, лагеря и ссылки 413 человек.

Впрочем, последнее дело неоднократно становилось предметом пристального внимания исследователей³⁸ в связи с канонизацией архиепископа Дамиана (Воскресенского) и епископа Иоанна (Пашина). Отметим лишь, что копия обвинительного заключения из обоянского дела имеется и в деле «Ревнителей Церкви». Сотрудники ОГПУ проделали титанический труд по систематизации всего добытого следствием материала и проявили незаурядную большевицкую фантазию при изложении. Фактически они являются настоящими создателями «раскрытой и ликвидированной организации». Они определили ее структуру, численный состав, цели, задачи, методы, тактику, платформу и даже написали ее историю. Первая часть обвинительного заключения так и озаглавлена — «История возникновения организации». Главная задача, которую (по мнению ОГПУ) ставили перед собой арестованные, была такой: «объединить вокруг себя все антисоветские элементы города и деревни путем поднятия массовых выступлений крестьянства против Соввласти и восстановить монархический строй... В соответствии с поставленной задачей члены контрреволюционной организации насаждали свои контрреволюционные ячейки, которых к моменту ликвидации следствием установлено 11... Руководство этими ячейками принадлежало исключительно духовенству»³⁹.

Тут же приведены и плоды социологической калькуляции. В сети ОГПУ по обоянскому делу попали 26 священников, 3 «монашествующих элемента», 2 бывших офицера, 2 бывших торговца, 2 бывших дворянина, один служащий, один кулак, 8 середняков и 2 бедняка. Объясняется, что последние попали в эту компанию

Священник Михаил
Лысенко. Фото из
следственного дела

исключительно по причине своих религиозных заблуждений.

Литераторы от ОГПУ попытались объяснить и ту причину, которая побудила других членов организации ввязаться в подпольную политическую борьбу:

«Успехи на фронте социалистического строительства в городе и деревне значительно уменьшили влияние церкви на верующие

массы. Духовенство, увидев в этом свою неизбежную гибель, стало группироваться вокруг священника Петра Григорьева, который объединил около себя наиболее реакционные элементы церковников...»⁴⁰.

«Как установлено следствием, вдохновителем созданной контрреволюционной организации был архиепископ Дамиан. Перед ним Григорьев отчитывался о положении организации и от него же... получал указания в дальнейшей контрреволюционной деятельности»⁴¹.

Владыка Дамиан понял, что отец Петр Григорьев попал в лапы ОГПУ надолго и уже 20 октября 1931 года назначил в храм Смоленской иконы Божией Матери нового священника — Поликарпа Павловича Корейшу. Отец Поликарп в курские края был выслан из Полтавской епархии. В Обояни он продержался несколько

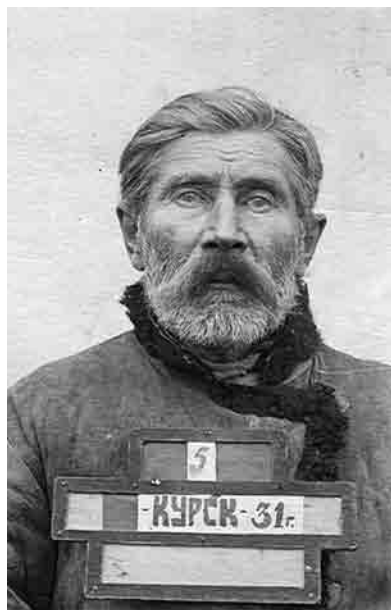
Сапожник Владимир
Губкин. Фото из
следственного дела

месяцев. Его арестова-
ли по делу «Ревнител
Церкви»⁴².

В 11-томном собрании
следственных матери-
алов этого дела Обоян-
ский район представлен
в основном церковной
общиной храма в селе
Полукотельниково, кото-
рой посвящен отдельный
7-й том. Возглавлял эту
общину 33-летний иеро-
монах Никанор (в миру
Езерский Николай Ста-
ниславович). Священный
сан он принял в 1929 году.

А в селе Полукотельниково прослужил около года,
успев привлечь сюда многих верующих, ищущих более
полной духовной жизни. Неленно проповедовал,
часто совершал богослужения, проводил духовные бе-
седы. По благословию архиепископа Дамиана совер-
шал отец Никанор и монашеские постриги. Сотрудники
ОГПУ поспешили объявить полукотельниковскую
общину подпольным монастырем.

Иеромонах Никанор (Езерский) был арестован в
июле 1932 года на улице. Под давлением следователя
он признался, что принимал участие в организации
Крестного хода, прошедшего с 25 по 30 июня в Ко-
ренную Пустынь к месту обретения главной святыни
Курского края — иконы Божией Матери «Знамение».

Основными участниками этого хода являлись женщины. А мужчин было лишь трое: диакон Никита Лучкин, псаломщик Порфирий Дугин и мирянин Иван Степанович (его фамилию отец Никанор вспомнить не смог).

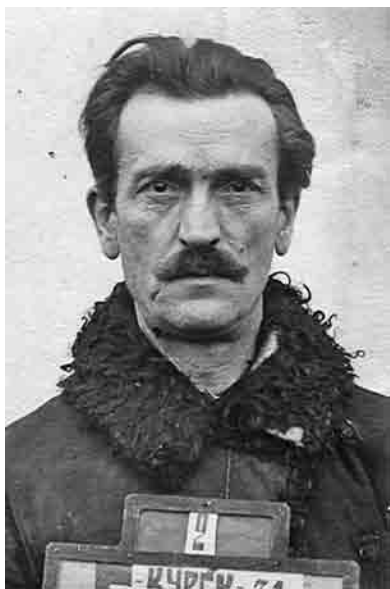
Последнюю ночь все паломники провели в лесу под Курском, а утром явились в городскую Благовещенскую церковь, где служил архиепископ Дамиан. Владыка всех их благословил и поблагодарил за стойкость в вере и молитвенный труд. В Курске участников Крестного хода приютили на ночь монахини и жены высланных священников. Сам отец Никанор (Езерский) ночевал у бывшего игумена Курского монастыря Феофана⁴³.

Надо сказать, что Крестный ход в Коренную Пустынь 1932 года был не последним Крестным ходом, совершенным в советское время. В следственных делах из архива УФСБ по Курской области можно встретить описания Крестных ходов, совершавшихся в 1933, 1935 и другие годы.

«Дело обоянских попов». Год 1958-й. Пересмотр.

После смерти Сталина и развенчания его культа в стране начался широкомасштабный реабилитационный процесс. Старые следственные дела возвращались из пыльных архивов на рабочие столы новых следователей.

В 1958 году извлекли из архива для пересмотра и «дело обоянских попов». Об этом деле правоохранительным органам напомнили два письма, направленных на имя прокурора Курской области. В первом письме сын покойного псаломщика Евгений Гаврило-

Псаломщик Гавриил
Амелин. Фото из
следственного дела

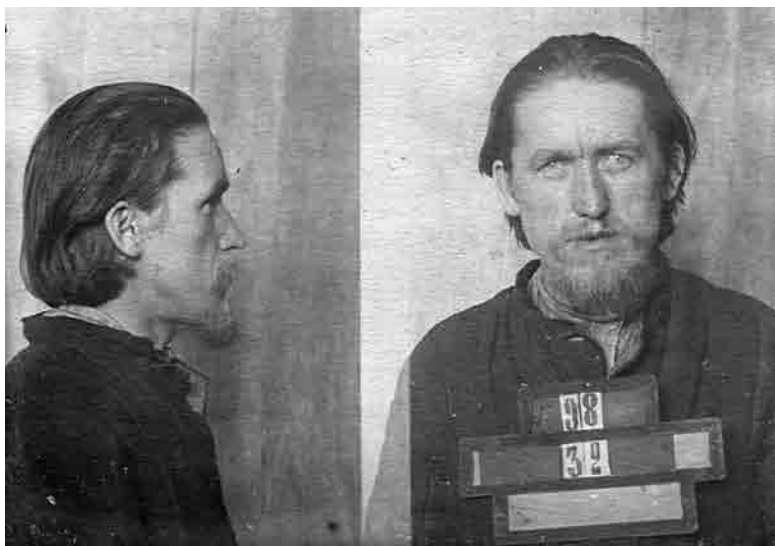
вич Амелин, проживавший в Старом Осколе просил, чтобы вернули доброе имя его отцу. Второе письмо прислал протоиерей Петр Тимофеевич Халин, бухгалтер Курского епархиального управления.

Пересмотр дела поручили В. Т. Ковалеву, в ту пору лейтенанту, а позднее полковнику в отставке и краеведу, издавшему книгу своих воспоминаний «Курск

довоенный». (От него на субботних встречах в Курском краеведческом музее у Виктора Исаевича Склярука автор этих строк впервые и услышал о деле «обоянских попов»).

Протоиерей Петр Халин. Бухгалтер Курского епархиального управления.

Иерей Петр Тимофеевич Халин был, пожалуй, самым молодым фигурантом обоянского дела. В село Рыбинские Буды Обоянского района его назначил архиепископ Дамиан в апреле 1930 года. Приход этот только что вернулся из обновленческого раскола.

Церковная община из-
гнала из села обновлен-
ческого лжесвященника

Священник Петр Халин.
Фото из следственного дела

Н.Иванова. Но диакон-обновленец Ф. остался жить в Рыбинских Будах. Среди верующих он авторитетом не пользовался и не имел никакой надежды быть принятым в лоно Православной Церкви в сущем сане, так как женился второй раз. Будучи сам арестованным Ф. на допросе подпитал миф о контрреволюционной группировке в районе новыми фактами. Еще и извинялся перед следователем, что продолжительная болезнь не позволила ему сообщить об этом властям ранее.

Следователь требовал, чтобы отец Петр «признался», что получил от владыки Дамиана контрреволюционные установки, но священник отказался клеветать. «Архиепископ Дамиан, — говорил он, — указаний мне

никаких не давал. Он говорил, чтобы я был им (себянам) священником и вел себя по-христиански...»

Отец Петр Тимофеевич Халин родился в 1902 году в селе Субботино (ныне Солнцевского района Курской области). Он был одиннадцатым ребенком в семье работающего крестьянина. (Всего у Тимофея Халина было 13 детей. Дочь Мария, двенадцатый ребенок, стала супругой священника Аркадия Субботина, расстрелянного в Белгороде в мае 1930 года).

Учился Петр Халин в Тиму в реальном училище, окончил школу второй ступени (физико-математическое отделение). Продолжил учебу в Курске на пастырско-богословских курсах (духовная семинария уже не существовала). 26 сентября 1922 года епископ Никон рукоположил Петра Тимофеевича в сан диакона, а 16 июля 1923 года — в сан пресвитера и

На снимке крайний справа — Тимофей Халин, отец 13 детей, на трудовых работах в Сибири. Фото из семейного архива Ольги Жмыховой

Протоиерей Петр Халин.
Фото из архива Курской
епархии

назначил в слободу Медвенка. В период управления Курской епархией митрополита Назария (Кириллова) отец Петр Халин исполнял обязанности заместителя благочинного 2-го Обоянского округа. Архиепископ Дамиан перевел отца Петра в Рыбинские Буды для укрепления прихода и в 1931 году наградил наперсным крестом. А ОГПУ в том же году удо-

стоило священника арестом. Тройка отправила его на три года в лагеря.

К этому времени отец иерея Петра Халина уже был репрессирован. Его выслали в Сибирь на трудовые работы. Оттуда Тимофей сумел каким-то чудом прислать своим родным фотоприветствие: коллективный снимок своих товарищей по лесопилке на фоне рабочего места. Еще и указал на обороте карточки, что снимались «на Казанскую» (4 ноября).

А отец Петр Халин попал на строительство Беломорканала. «За хорошую работу» был досрочно освобожден в ноябре 1933 года. Поселился в Курске. Непременным условием легального служения в священном сане являлась регистрация в государственных органах. Но ее-то священникам, имевшим судимость, не всегда удавалось получить. 9 лет отец Петр трудился на разных пред-

приятнях: был рабочим на плодово-ягодном заводе, счетоводом в артели «Точная механика», бухгалтером в роддоме и поликлинике. И лишь в период войны стал настоятелем храма в тех же Рыбинских Будах. В 1945 году был возведен в сан протоиерея.

С 1 марта 1952 года и до конца своих дней (около 1980-го года) протоиерей Петр Халин исполнял обязанности бухгалтера Курского епархиального управления. Умер на рабочем месте.

Живые и мертвые осужденные

Псаломщик Гавриил Амелин: вне политики

Псаломщик Гавриил Александрович Амелин, вернувшись из ссылки в середине 1930-х годов, поселился в Старом Осколе. Работал на кондитерской фабрике. Всегда ходил в церковь, молился, и в конце жизни вновь исполнял обязанности псаломщика. Неоднократно ему советовали оставить церковную службу, предупреждая о новых гонениях, о грядущем ужесточении церковной политики государства. «Но отец далек был от политики», — вспоминал его сын. Скончался Гавриил Александрович в 1947 году.

Братья Вороновы из села Пселец

В селе Пселец в начале 1930-х годов служили братья: священник Иоанн и диакон Павел Вороновы, а так же псаломщик Алексей Ковалевский. По сведениям, собранным в 1958 году, отец Иоанн, получивший 5 лет ИТЛ, из лагеря не вернулся. А отец Павел Стефанович Воронов вышел на свободу, жил на хуторе Плотина Пселецкого сельсовета. 24 декабря 1937 года он был

Священник
Иоанн (слева)
и диакон
Павел
(справа)
Вороновы.
Фото из
следственного
дела

вторично арестован и через три дня решением Тройки УНКВД по Курской области осужден к 10 годам ИТЛ. В спешке сотрудники НКВД даже не стали проводить допрос свидетелей, якобы знавших об антисоветской деятельности диакона. Однако признание из самого обвиняемого они сумели выбить. Каким способом — можно догадаться. Насилием и хитростью.

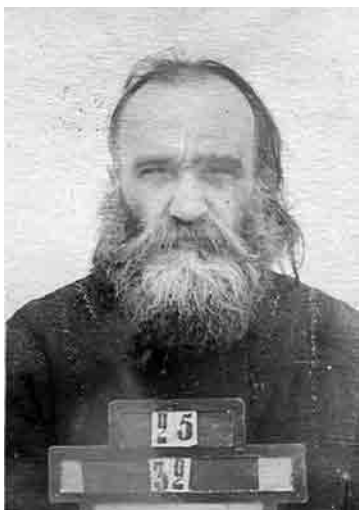
Священник Иоанн Ковалевский из села Зорино

Священник Иоанн Дмитриевич Ковалевский, родившийся в 1892 году в селе Обуховка (ныне Старооскольского района Белгородской области) и арестованный в 1931 году в селе Зорино, отбыл наказание (5 лет ИТЛ) и продолжал свое священническое служение в городе Льгове. Осенью 1937 года он был арестован вместе с двумя другими «служителями религиозного культа»: Павлом Васильевичем Истоминым (уроженцем и жителем села Большие Угоны) и Николаем Андреевичем Крамаренко (уроженцем города Мирополье, служившим в селе Нижние Деревеньки). Их обвинили в участии

в «контрреволюционной группировке церковников», наличие которой, правда, имеющимися в деле материалами не было доказано. В ходе недолгого следствия сотрудникам НКВД удалось выбить нужные показания лишь из Истомина. Он оговорил себя и «изобличил» других. Однако Ковалевский и Крамаренко и на допросах, и на очных ставках с Истоминным категорически отрицали все предъявленные им обвинения. 7 декабря 1937 года Тройка УНКВД по Курской области приговорила всех троих к высшей мере наказания — расстрелу.

Священники Онуфрий Успенский, Николай Кулинич, Александр Мохнев

Священник Онуфрий Григорьевич Успенский (уроженец Киево-Подольской губернии, проживавший в Курске с 1929 года как административно-высланный из пределов УССР) в 1932 году получил 3 года ИТЛ. Весной 1938 года он работал сторожем в редакции газеты «Молодая гвардия» и проживал в Курске на улице Рошала в доме №59. По этому адресу и пришли за ним сотрудники НКВД. Отец Онуфрий был обвинен в том, что являясь «агентом польской разведки, занимался сбором шпионских материалов», а так же вербовал новых участников в антисоветскую церковно-монархическую организацию. Священник поставил свою подпись под протоколом допроса с признанием своей вины. В этом протоколе указывалось, что агентом польской разведки он стал еще в мае 1919 года, а в антисоветскую организацию его завербовал в августе 1934 года бывший Курский епископ Онуфрий (Гагалюк). Расстрел — такую меру наказания определила для священника Онуфрия Успенского Тройка УНКВД по Курской области 19 октября 1938 года.

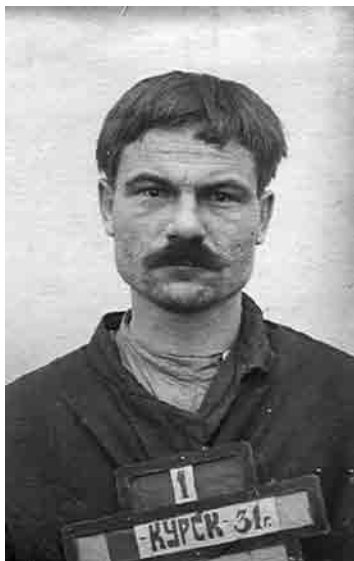
Священник Онуфрий
Успенский. Фото из
следственного дела

Высшая мера ожида-
ла и протоиерея Николая
Дмитриевича Кулинича,
арестованного последний
раз 8 декабря 1937 года.

Священник Александр
Григорьевич Мохнев, слу-
живший в 1931 году в селе
Большие Крюки, не избе-
жал вторичного осуждения.
Если первый раз его отпра-
вили в лагерь на 5 лет, то во
второй раз ему дали срок на

«исправление и труд» в два
раза больший — 10 лет.

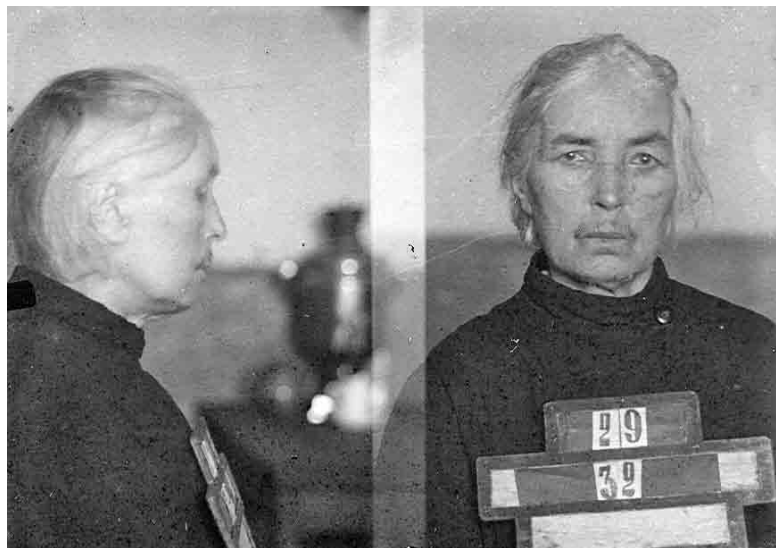
10 лет ИТЛ получил от
Тройки 9 декабря 1937 года
и иеромонах-обновленец
Геронтий (Григорий Андре-
евич Чистяков). В 1931 году
он служил в селе Беличево
Обоянского района и по делу
«обоянских попов» отпра-
влялся в ссылку на 3 года.

Священник Александр
Мохнев. Фото из
следственного дела

**«Игуменья нелегального монастыря»
Лариса (Константинова)**

Монахиня Лариса (Акилина Семеновна Константинова) была насельницей Курского Свято-Троицкого женского монастыря. Родилась она в 1869 году в селе Погожее Тимского уезда. После закрытия обители, как и многие другие сестры, осталась жить в Курске (на улице Аристарховой). Осенью 1932 года сотрудники ОГПУ, пришедшие арестовывать монахиню Ларису, застали у нее дома матушку Зинаиду, супругу священника Петра Григорьева. Это можно было использовать как еще одно доказательство причастности монахини к раскрытой организации. Но матушка Лариса на до-

Монахиня Лариса (Константинова). Фото из следственного дела

просе сразу же категорично заявила следователю: «На заданные вопросы по делу контрреволюционной церковной организации отвечать не желаю». Монахине Ларисе дали условный срок — три года. В позднейших следственных делах она упоминается как «игуменья нелегального монастыря», созданного архиепископом Онуфрием.

8 июля 1938 года матушка была вторично арестована и Особым Совещанием при НКВД СССР 15 апреля 1939 года осуждена к высылке на 3 года в один из районов Казахстана.

Сведений о нахождении в местах ссылки и дальнейшей судьбе матушки Ларисы (Константиновой) у нас нет. Известно лишь, что реабилитирована она 15 февраля 1957 года⁴⁴.

Диакон Матфей Карачевцев

Диакон Матфей Карачевцев. Фото из следственного дела

21 апреля 1958 года вызвали на допрос диакона Матфея Карачевцева. Он, отбыв свои три года в Архангельске, так там и оставался до 1950 года. Отец Матфей припомнил, что священников Петра Григорьева и Василия Бородина в 1931 году держали отдельно от основных фигурантов дела «обоянских попов».

Вернувшись в Обоянь Карачевцев уже ни с кем из пострадавших с ним, за исключением протоиерея Петра Халина, не виделся.

Протоиерей Михаил Зубков

Оставался в живых еще один священник из обоянской «контрреволюционной группы» Михаил Зубков.

Протоиерей Михаил Михайлович Зубков родился 30 сентября 1883 года в семье личного гражданина города Курска. Окончил Курскую духовную семинарию. С 1904 года был учителем в Обоянском духовном училище. 25 марта 1909 года Преосвященный Иоанникий (Ефремов) — епископ Белгородский, викарий Курской епархии, рукоположил Михаила Зубкова в сан священника и определил в село Волково (ныне Чернянского района Белгородской области). 3 июня 1918 года епископ Курский Феофан (Гаврилов) назначил отца Михаила настоятелем Александро-Невской церкви в Обояни. 13 июня 1923 года на собрании духовенства

и мирян всего Обоянского уезда священник Михаил Зубков был избран благочинным 1-го Обоянского округа. Митрополит Курский Назарий (Кириллов) утвердил это решение.

В апреле 1926 года иерея Михаила возвели в сан протоиерея. А в марте 1931 года священномученик Дамиан наградил его палицей. В октябре того же года протоиерей Михаил Зубков был

Протоиерей Михаил Зубков.
Фото из следственного дела

арестован. «С духовенством 1-го Обоянского округа», как он сам отмечал в послужном списке.

Тройка ОГПУ отправила священника на строительство Беломорканала. Он освобожден в 1934 году. С 13 декабря 1941 года вернулся к священническому служению, стал настоятелем Никольской церкви в слободе Стрелецкой Курска. С 1944 по 1952 годы служил в храме Михаила Архангела в селе Нижне-Чуфичево Старооскольского района. Затем — в слободе Павловка Обоянского района. Там и остался жить, выйдя за штат по болезни в 1955 году. Говорили, что он в конце жизни ослеп, перестал узнавать людей и вообще понимать, что происходит. Словом, на допрос в Курск его решили не вызывать. Умер протоиерей Михаил Зубков 10 декабря 1958 года⁴⁵.

Псаломщик Владимир Каракулин

Многое мог бы вспомнить бывший псаломщик Владимир Каракулин, получивший по обоянскому делу три года условно. Однако его убили на станции Ржава в 1956 году.

Псаломщик Владимир Каракулин. Фото из следственного дела

Регент Василий Федоренко

Вдова регента храма Смоленской Божией Матери в Обояни Людмила Ивановна Федоренко, рассказала следователю, что ее муж до ареста некоторое время работал секретарем Обо-янского сельского совета, затем горсовета. В 1930 году его перевели на должность бухгалтера.

«Мой муж страстно любил пение, — говорила Людмила Ивановна, — постоянно руководил хором в художественной самодеятельности и был руководителем церковного хора». Василий Семенович Федоренко за свою любовь к пению получил три года ссылки. Отбыв срок на севере, он поселился в Чернянском районе, где и умер в 1944 году. (По другим данным, скончался он все-таки в обоянской больнице).

Регент церковного хора
Василий Федоренко.
Фото из следственного
дела

Эти крепкие «белые нитки»

Лейтенант Ковалев вызывал на допросы и тех, кто давал свидетельские показания против репрессированных обоянских «контрреволюционеров». Таких, правда, к 1958 году осталось немного. Из протоко-

Санитарка Обоянской больницы Евдокия Зиборова. Фото из следственного дела

лов повторных допросов можно процитировать показания бывшего работника Шиповского сельсовета, как наиболее характерные: «О том, чтобы Курганский /местный священник/ мешал проведению коллективизации в нашей местности, мне ничего известно не было... Предъявленные мне показания от 30 января 1932 года, которые я дал по делу Курганского, я подтвердить затрудняюсь. Не помню фактов, изложенных в них. Подписаны предъявленные мне показания мною...».

Несмотря на то, что следствие выявило многие «белые нитки» обоянского дела, опровергнуть обвинения, выдвинутые 26 лет назад против отца Петра Халина и Гавриила Амелина, не удалось. 24 сентября 1958 года курский Прокурор согласился с постановлением Тройки ОГПУ от 16 апреля 1932 года.

Реабилитация всех безвинно пострадавших по делу «обоянских попов» состоялась лишь 30 июня 1993 года.

Обоянь — ГУЛАГ — Царство Небесное

В 1958 году еще жива была Зинаида Ивановна Григорьева, вдова «руководителя обоянской церковно-монархической организации» священномученика Петра Григорьева. Жила она по-прежнему в Обояни. Только по новому адресу: на улице Пролетарской в доме №16.

«За что осудили мужа, я не знаю, — говорила матушка Зинаида на допросе 29 апреля 1958 года. — За годы совместной жизни с ним я ничего отрицательного за ним не замечала. Вопросами политики он не занимался и, на мой взгляд, к советской действительности был лоялен. Во всяком случае, я никогда не слышала со стороны мужа каких-либо высказываний против советской власти. Он был человеколюбив, бескорыстен, честен...»

В 1950-е годы всю правду о судьбе репрессированных их родственникам было неприято сообщать. Зачастую о расстрелянных говорили, как об умерших от какой-нибудь болезни. Скорее всего, и Зинаиде Ивановне не сказали, что ее муж стал жертвой эпидемии расстрелов. Поначалу, когда отец Петр Григорьев был приговорен к 10 годам исправительно-трудовых лагерей, матушка получала от него письма.

Лагерная жизнь священника началась 5 мая 1932 года, когда он прибыл на разъезд «Сословец» Мурманской железной дороги и был зачислен в 10-ю роту 4-го лагпункта 7-го отделения Белбалтлага. В личном деле заключенного Григорьева имелась рекомендация сотрудников ОГПУ: «Держать в строгой изоляции. Вербовке не подлежит»⁴⁶. Но обеспечить полной изоляции священнику не удалось. Он общался с другими заключенными, утешал их, укреплял в вере, исповедовал и даже «находил возможность причащать и совершать водосвятие, служил Пасху»⁴⁷.

Тем не менее, в июле 1933 года власти проявили к нему снисхождение и сократили срок заключения на один год и восемь месяцев. Таким образом, у отца Петра появилась надежда выйти на свободу в 1939 году. Но жил он этой надеждой недолго. Уже в августе 1933 года на священника завели новое дело. В 1935-1936 годы заключенных священнослужителей лагеря вывели в особую группу «Православное духовенство». Отец Петр, однако, был отделен от них. Он жил одиночкой в тридцати километрах от станции Кола Мурманской ЖД. Видимо, руководство лагеря все-таки решило учесть первоначальные рекомендации, относительно содержания этого священника.

24 января 1937 года отца Петра Григорьева перевели в 3-е отделение Волголага (Ярославская область Угличский район), назначив на должность чертежника при начальнике 7-го строительного участка. Но и тут

Заклученные на строительстве
Беломорканала. Фото с сайта ru.wikipedia.org

заклученный не оправдал ожиданий лагерного начальства: в культмассовой работе не участвовал, лагерный режим нарушал, производственную дисциплину не соблюдал. За что и был отправлен в изолятор.

Вскоре против отца Петра возбудили последнее дело. Его вновь объявили руководителем церковно-монархической организации и обвинили в проведении контрреволюционной агитации. Одним из проявлений этой агитации были «нелегальные коллективные чтения молитв и соблюдение религиозных обрядов»⁴⁸.

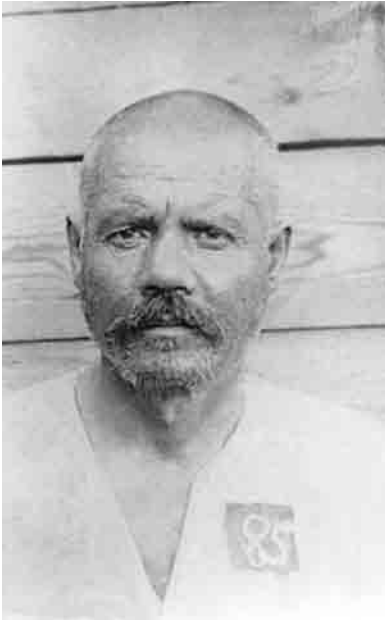
В ответ на обвинения в контрреволюционной деятельности отец Петр сказал: «Приписываемые мне обвинения я отрицаю... Я христианин, верую в Бога и проповедую исповедание христианского направления»⁴⁹. На допросах он держался твердо и не стал называть имена тех лиц, с которыми поддерживал отношения в лагере.

Но они были известны следствию и без этого. Ведь за священником следили очень внимательно. Вместе с отцом Петром были арестованы священник Глеб Апухтин и еще несколько человек.

Священномученик Глеб Апухтин

Священномученик Глеб Семенович Апухтин был земляком Григорьева. Он родился в Обояни в 1885 году в крестьянской семье. В 1902 году закончил Обоянское городское училище. До революции принял сан диакона. В 1919–1920 годы был мобилизован в 13-ю армию рядовым.

С 1925 года служил (уже в сане священника) в селе Боровое Новоусманского района Воронежской области. В 1929 году отец Глеб был выслан в Западную Сибирь на пять лет за неуплату налога. В 1934 году

Священномученик
Глеб Апухтин. Фото с
сайта Православного
Свято-Тихоновского
гуманитарного
университета pstbi.ru

вернулся в Боровое. А в ночь на 28 марта 1935 года вновь был арестован и 5 октября того же года Специальной Коллегией Верховного Суда РСФСР был приговорен к 10 годам ИТЛ. Обвиняли отца Глеба в том, что он противодействовал снятию колоколов и занимался антисоветской агитацией в церковной сторожке.

В лагере отец Глеб работал курьером. Администрация пыталась его использовать для слежки за другими заключенными. Он отказался. Ему это не простили. Отца Глеба «обвинили в отказе от работы, агитации среди заключенных, восхвалении царского строя и распространении слухов о войне и гибели советской власти»⁵⁰.

А 22 сентября 1937 года Тройка УНКВД по Ярославской области осудила священников Петра Григорьева и Глеба Апухтина к высшей мере наказания. Расстреляны они были на следующий день и погребены на общем лагерьном кладбище.

Реабилитация и канонизация

Летом 1989 года Прокуратура Ярославской области реабилитировала обоих священников. А 30 июня 1993 года Прокуратура Курской области признала, что отец Петр пострадал невинно и в 1932 году.

В августе 2000 года на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви иерей Петр Григорьев и иерей Глеб Апухтин (по представлению Ярославской епархии) были прославлены в сонме новомучеников и исповедников Российских. Материалы для канонизации готовились в Ярославской епархии. Непосредственное участие в сборе информации о последних месяцах жизни отца Петра принял протоиерей Николай Лихоманов, ныне епископ Рыбинский Вениамин, викарий Ярославской епархии.

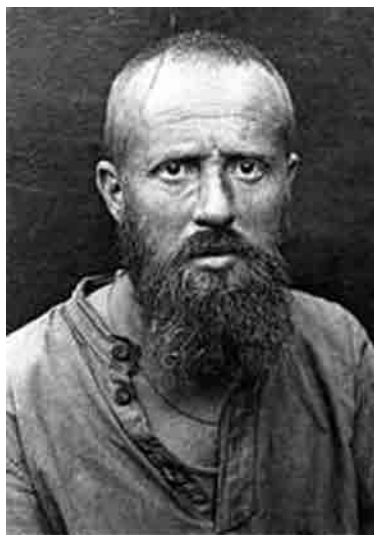
Последнее фото

*«Господь сказал мне:
«довольно для тебя благодати Моей;
ибо сила Моя совершается в немощи»»
(2 Кор. 12.9)*

Осталось всего два фотопортрета, по которым мы можем судить о том, как выглядел новопрославленный святой. Оба сделаны в заключении. На первом снимке отец Петр запечатлен в самом начале своего пути на Голгофу. Вторая фотография — это уже взгляд с креста. Все следы молодости (и вообще — случайные черты временности) стерты за пять лет пребывания в лагере. Нет округлости щек, длинных волос, былой физической силы.

Из-под расстегнутого ворота рубахи видна веревочка, на которой держится нательный крестик. Исхудалое

Священномученик Петр Григорьев в 1932 г. (слева) и в 1937 г. (справа). Фотографии из следственных дел

лицо. Лоб изборожден морщинами. Но взгляд! Взгляд сильного Духом человека. Благодать не оставила его.

Пройдя через горнило лагерей, став стариком в сорок с небольшим лет, священномученик Петр Григорьев мог бы повторить вслед за апостолом Павлом, что сила Божия в немощи человеческой совершается.

Священномученик Дамиан говорил отцу Петру накануне его страданий о терпении. Священномученик Петр претерпел все, выпавшие на его долю скорби и лишения, до конца своей земной жизни, которая оборвалась 23 сентября 1937 года. Владыка Дамиан отправился в вечность чуть позднее — 3 ноября 1937 года. Вместе с другими новомучениками и исповедниками российскими в небесных обителях молятся они Христу Богу за нас, своих земляков.

СНОСКИ

- 1 Предположительно, речь идет о священнике Александре Алексеевиче Сахарове
- 2 Архив УФСБ по Курской обл. АУД № П-61. Л.12-12-об.
- 3 Там же. Л.15.
- 4 Раздорский А.И. Архиереи Курского края XVII-XX вв. Краткий биографический справочник. Курск. 2004. 127с. — с.55.
- 5 Самсонов В. Прошлое старых городов Курской области. // Прошлое Курской области. Курск. 1940. 158с. — с.52.
- 6 Донченко Ю.В. Курская губерния на старой открытке. Курск. 2004. 336с. — с. 149
- 7 Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Том №42. Нэшвилл до Опадкий. Санкт-Петербург. 1897. — с.557.
- 8 Павловский А. Всеобщий иллюстрированный Путеводитель по монастырям и святым местам Российской империи и Афону. Нижний Новгород. 1907. 784с. — с.333.
- 9 Православные монастыри России. Краткий справочник. Новосибирск. 2000. 456с. — с.77.
- 10 Арцыбашева Т.Н. Православный Курский край. Курск. 2004. 164с. (с илл.) — с.144.
- 11 Бугров Ю. История Курской епархии. Курск. 2003. 104с. — 79с.
- 12 Архив УФСБ по Курской обл. АУД № П-12372. Т.1. Л.263.
- 13 Там же. Л.102.
- 14 Милостивый владыка. // Их страданиями очистилась Русь. М.1996. С.262. — с.198.
- 15 Отчий край — Чернянская земля. Под ред И.Н. Крупы. Белгород. 2006. С.210. — сс.71-73.
- 16 Бирюков А.Ю. Фатежский край: Прошлое и настоящее. (Историко-краеведческий сборник). Фатеж. 2006. 372с. — с.181.
- 17 Бирюков А.Ю. На алтарь революции (Противостояние власти и населения в Фатежском уезде в 1917-1919 годах). // Новый взгляд на Октябрьскую революцию 1917г. Материалы научно-практической конференции, посвященной 90-летию

Октябрьской революции. Под ред. В.Л. Богданова. Курск.2007. 72 с. — с.23. Со ссылкой на ГАКО Ф. Р-474. Оп.1.Д.10. Лл. 145,146 и 761.

18 История Курской Коренной иконы Знамения Божией Матери: прошлое и современность. / Автор-составитель священник Владислав Реутов. Курск. 2001. 205с. — с.149.

19 Донченко Николай, протоиерей. Новомученики Феодосии. Феодосия-Москва. 2005. 320с. — с.8.

20 Бирюков А.Ю. Фатежский край. — с.181.

21 ГАКО Ф. 750. Оп. 1. Д 369. Дело об организации в Курской епархии церковных обществ: «Живая церковь», «Церковное возрождение» и «Древле-Апостольская церковь». (1922-1923 гг.).

22 Архив Курской епархии. Личное дело протоиерея Артамонова Василия Александровича.

23 Бирюков А.Ю. Фатежский край. — с.181.

24 Архив Курской епархии. Указ.дело.

25 Бирюков А.Ю. Фатежский край. — с.181.

26 Архив УФСБ по Курской области. АУД № П-12372. Том 3. Лист без номера.

27 Священномученик Петр Григорьев лишь в показаниях иеромонаха Фоки назван протоиереем.

28 Косик В.И. Русское церковное зарубежье. XX век в биографиях духовенства от Америки до Японии. Материалы к словарю-справочнику. М.2008. 408с. — с.271.

29 Нивьер А. Православные священнослужители, богословы и церковные деятели русской эмиграции в Западной и Центральной Европе. 1920-1995: Биографический справочник. Москва-Париж. 2007. 576с. — с.346.

30 Косик В.И. Указ.соч.... — с.271.

31 Архив УФСБ по Белгородской области. АУД №6568. Л.3.

32 Там же.

33 Архив Курской епархии. Личное дело протоиерея Бородина Василия Прокопьевича.

34 Из истории храмов Курской епархии. Обоянский и Суд-

жанский районы. / Под ред. В.Л. Богданова, М.М. Литвиновой. Курск.2008. с.172. — с.34.

35 Там же.

36 Архив УФСБ по Курской области. АУД № П-12372. Т.3. Л.69.

37 Л.72.

38 Смотрите, к примеру, книгу Валерия Карнасевича и священника Владислава Реутова «Новомученики и исповедники земли Курской». Курск. 2006. 150с.

39 Архив УФСБ по Курской области. Архивно-уголовное дело № П-11015. Том 10. Л.1.

40 Там же. Л.2.

41 Там же. Л.5.

42 Там же. Том 9. Л.79.

43 Там же. Том 7. Лл.157-158.

44 Архив УФСБ по Курской области. Архивно-уголовное дело № П-4599.

45 Архив Курской епархии. Личное дело протоиерея Зубкова Михаила Михайловича.

46 Архив УФСБ по Ярославской обл. Цит. по сайт ПСТГУ.

47 Новомученики и Исповедники Ярославские. Часть 3. Священнослужители и миряне. // Под редакцией протоиерея Николая Лихоманова. Романов-Борисоглебск (Тутаев). Православное братство святых благоверных князей Бориса и Глеба, 2000. — с.111.

48 Там же.

49 Там же.

50 Там же. сс. 82-83.

Содержание

Претерпевший до конца.....	1
Последняя встреча двух святых	3
«Остаюсь с народом».....	3
Поиски «компромата».....	5
«Незаменимый наставник»	6
Гореть или тлеть?	8
Обоянь в церковной истории Курского края	9
Обоянские архиереи.....	9
94 храма, монастырь и духовное училище	11
«В условиях обоянской действительности...»	14
Где взять 200 яиц?	15
Материалы для жития из следственного дела	16
Священномученик Петр Григорьев и старица Мисаила (Зорина)	19
Протоиерей Василий Артамонов.....	20
«Связной».....	20
Медаль «За усердие» от генерала Брусилова	21
«Умрем, но своих священников не отдадим»	22
Отступление и возвращение.....	23
Обновленческий соблазн	24
«Человек крайне религиозный»	25
Спасение комиссара полка.....	27
«Осмеливаюсь просить молитв за меня и паству мою»	28
«Господи, прими душу мою с миром»	30
Иеромонах Фока (Антонов):	31
«Я являюсь наислабейшим последователем Христа».31	
Обоянь — Лондон.....	34
Иеродиакон Иоасаф (Будченко):	36
«Мы должны стоять за веру»	36
Протоиерей Василий Бородин.....	38
Все имущество: крест, ряса и пальто.....	38

Провокации ОГПУ	41
Большевицкое краеведение	43
«Форсируем».....	46
«Тройка постановила...», ...	47
или Пролог к новому следственному делу.....	47
«Дело обоянских попов». Год 1958-й. Пересмотр.....	53
Протоиерей Петр Халин.	54
Бухгалтер Курского епархиального управления.....	54
Живые и мертвые осужденные	58
Псаломщик Гавриил Амелин: вне политики.....	58
Братья Вороновы из села Пселец.....	58
Священник Иоанн Ковалевский из села Зорино..	59
Священники Онуфрий Успенский, ...	60
Николай Кулинич, Александр Мохнев.....	60
«Игумения нелегального монастыря» Лариса (Константинова).....	62
Диакон Матфей Карачевцев	63
Протоиерей Михаил Зубков.....	64
Псаломщик Владимир Каракулин	65
Регент Василий Федоренко.....	66
Эти крепкие «белые нитки»	66
Обоянь — ГУЛАГ — Царство Небесное	68
Священномученик Глеб Апухтин	70
Реабилитация и канонизация	72
Последнее фото	72

Благодарности

Подготовка настоящего издания осуществлялась в рамках исследовательской работы, которую проводит Историко-архивная комиссия по изучению материалов о репрессированных священно- (церковно-) служителях Курской епархии.

Выражаем признательность Его Преосвященству Преосвященному Вениамину (Лихоманову), епископу Рыбинскому, викарию Ярославской епархии, за труды, понесенные в период подготовки материалов к прославлению священномученика Петра Григорьева.

Благодарим за содействие сотрудников архива УФСБ РФ по Курской области, архива УФСБ РФ по Белгородской области, Государственного архива Курской области, Обоянского краеведческого музея, Фатежского краеведческого музея, Курской областной научной библиотеки им. Асеева.

Персональная благодарность за поддержку и ценные советы иерею Георгию Дерканосову, иерею Владиславу Реутову, монахине Сусанне (Барыкиной), инокине Иларии (Трофимовой), З. Д. Ильиной, А. Ю. Бирюкову, С. П. Звереву, В. М. Рябкову, В. Г. Карнаевичу, А. Ю. Бунину, Ю. В. Озерову, Т. Еськовой, Е. Пузиковой, Н. Н. Галибиной, Н. П. Акимовой, В. Д. Шатилову, Ю. В. Донченко, О. Жмыховой, И. И. Гранкиной, И. А. Пономаревой.

Книги из серии «Православное краеведение» всегда имеются в Покровском храме (с. Кунье Горшеченского р-на Курской обл.). О том, где еще можно взять почитать или приобрести их, спрашивайте по телефону 8-915-567-27-31 или по электронной почте rusinvm@yandex.ru.

ПРАВОСЛАВНОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ

Священник
Владимир Русин

Претерпевший до конца

Священномученик Петр Григорьев
и обоянская «контрреволюционная
церковно-монархическая организация»

Сигнальный тираж.

Книга передана в Издательский Совет
Русской Православной Церкви для присвоения
разрешающего грифа.

Отпечатано в ООО ИПК «Кириллица», г. Старый
Оскол, ул. Ленина, 15. Тираж 200 экз. Заказ №26.

Издание Покровского храма села Кунье
Горшеченского района Курской области

2011